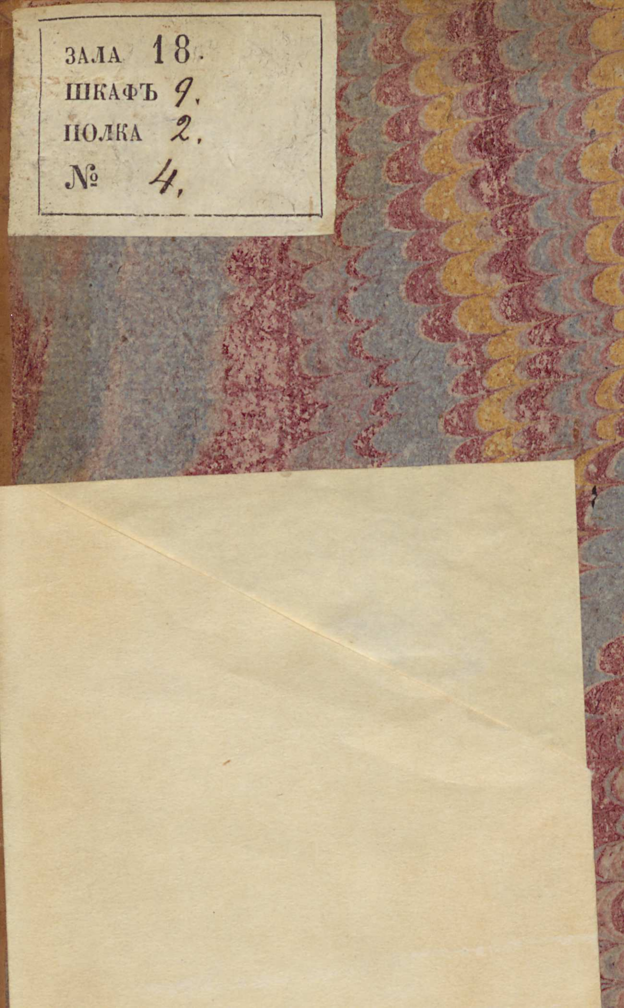
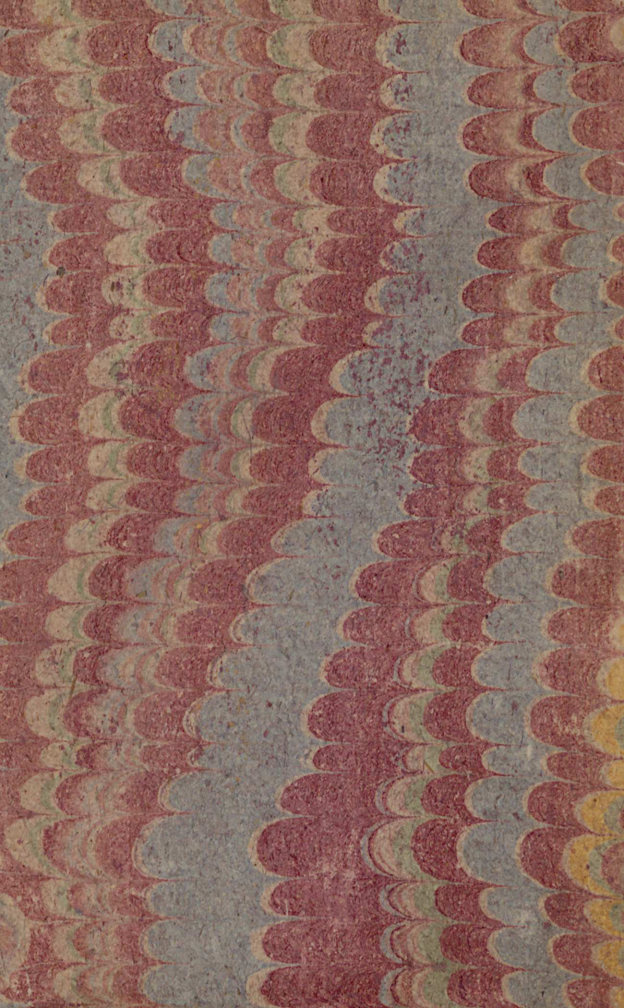

ЗАЛА 18.
ШКАФЪ 9.
ПОЛКА 2.
№ 4.

~~No.~~ 88

100. V.

ЗАПИСКИ
ХРИСТИНЫ
КОРОЛЕВЫ ШВЕДСКОЙ

съ примѣчанїями

Г. Д'АЛАМБЕРТА

Переведено съ Французскаго языка.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано иждивенїемъ Книгопродавца К. В. Миллера, 1774 года.

ЗАПИСКИ ХРИСТИНЫ

КОРОЛЕВЫ ШВЕДСКОЙ

съ примѣчаніями

г. д'АЛАМБЕРТА

Переведено съ Французскаго языка.

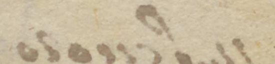

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано иждивеніемъ Книгопродавца
К. В. Миллера, 1774 года.

Его Высокопревосходительству
Господину ГенералЪ-Аншефу
Государственной Военной Коллегіи Вице-Президенту,
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГенералЪ-АдЪютанту,
Новороссійскому ГенералЪ-Губернатору,
и всѣхЪ тамо поселенныхЪ народовЪ главному начальнику,
Лейбгвардіи Преображенскаго полку Подполковнику,
Дѣйствительному Камергеру,
ОрденовЪ С. Александра Невскаго, бѣлаго Орла, С. Анны, С. Георгія, и С. Станислава Кавалеру

ГРИГОРЬЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ

Милостивому Государю
Нижайшее приношеніе.

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬНЫЙ ГОСПОДИНЪ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Всѣ почти славные витязи, отличившїе себя военнымъ искуствомъ, были любители наукъ, покровительствовали ученыхъ, ободряли упражненїи сего рода, нѣкоторые участвовали въ чести меча и пера, и предавали славу свою въ сохраненїе умамъ, и безсмертїю. Ваше высокопревосходительство по достоинству между сими великими Героями почтены въ нашемъ отечествѣ: ибо военные подвиги увѣнчали васъ; и любо-

Богородицкого

любомудрїе давно уже начертало имя ваше въ книгѣ избранныхъ своихъ. Прїимите, милостивый Государь, сїе упражненїе, посвящаемое въ имени вашемъ Герою и Философу, яко знакъ глубочайшаго моего почтенїя, съ которымъ я есмь

Высокопревосходительный Господинъ!

Милостивый Государь!

вашего высокопревосходительства

нижайшїй и всепокорнѣйшїй слуга

Михайло Коваленскїй.

ПРЕДИСЛОВІЕ
отъ переводившаго.

Основательный философъ нашего вѣка Д'Аламбертъ, разсматривая жизнь Христины славной Королевы Шьедской, начертаваетъ, такъ сказать, долгъ Монарховъ во всей его чести, пространствѣ и важности; входитъ тонкими разсужденіями въ состояніе человѣка и гражданина, касается достоинству ученыхъ, и качеству му-

дрыхъ. Польза разсужденій сего Философа и уваженіе имени его были единственнымъ побужденіемъ здѣлать переводъ сей. Историкъ мыслитъ и изображаетъ; Философъ чувствуетъ и мыслитъ; читателю остается забавляться и пользоваться.

ЗАПИ-

ЗАПИСКИ ХРИСТИНЫ КОРОЛЕВЫ ШВЕДСКОЙ

съ примѣчаніями.

Знаніе исторіи, ежели не снабдѣно просвѣщенными разсужденіями, есть послѣднее изъ человѣческихъ свѣдѣній. Упражненіе въ ней было бы много полезнѣе, естьли бы больше писали исторію человѣковъ, нежели исторію государей, которая по большей части не иное что есть, какъ книга пороковъ, или слабостей. Еще и того хуже, когда къ ней присоединены бываютъ многія дѣла, которыя не стоятъ того, чтобы

свѣтъ объ нихъ зналъ. Человѣкъ здраваго разума, мало упражнявшійся въ исторіи, могъ бы утѣшить невѣденіе свое въ оной, мысля, что всѣ настоящія дѣла будутъ нѣкогда исторіею. Желательно бъ было, чтобы въ каждое столѣтіе зделаны были краткія выписки историческихъ дѣлъ существенно полезныхъ; а все протчее было бы предано огню. Такимъ средствомъ можно бы отвратить отъ нашего потомства тотъ книжный потопъ, которымъ грозитъ ему безпрерывное злоупотребленіе книгопечатаній, имѣющихъ за предмѣтъ свой, чтобы сказать будущимъ вѣкамъ о дѣлахъ ни мало не уважаемыхъ во время присхожденія ихъ. Я не сомнѣваюсь, что многіе изъ ученыхъ почтутъ сіе основательное желаніе язвою ученій, и поношеніемъ нарушающимъ честь наукъ, которое заслуживаетъ предано

быть

быть клятвамъ отъ всѣхъ тѣхъ писателей, которыхъ сочиненія состоятъ изъ отрывочныхъ выписокъ: но я оставляю сіе на судъ мудрыхъ: они единственно должны бы имѣть право описывать людей, какъ и управлять ими -- Тогда исторія и человѣки были бы нѣчто лучшее

Я оставить не могъ, чтобы не здѣлать сихъ примѣчаній, увидя двѣ большія книги записокъ Христины, Шведской Королевы, изданныхъ въ Голландіи. Ежели сочинитель оныхъ имѣлъ намѣреніе, чтобы дать свѣту знать о Героинѣ своей, тоуспѣхъ его въ томъ сомнительный. Я знаю многихъ ученыхъ людей, довольно привыкшихъ къ скучнымъ и маловажнымъ чтеніямъ, которымъ не сносно было сіе сочиненіе. Они не могли безъ отвращенія питать разумъ смѣсью тѣхъ ученыхъ отрывковъ, которыми исторія Хри-

стины наполена. Оно есть образъ весьма худо написанный, изодранный въ куски, и котораго смѣшанныя части собраны въ одну кучу.

Но желанїе, которое всегда я имѣлъ, чтобы составить нѣкоторое понятїе о сей отличной Государынѣ, о которой столь разно говорили, убѣдило меня пройти оное нескладно сплетенное сочиненїе. Я взиралъ на него, какъ на тѣ въ саду проходныя улицы, въ которыхъ живописецъ начерталъ отмѣннымъ образомъ человѣческое лице такъ, что нелвзя инако узнать его, какъ только сыскавъ нѣкоторую точку вида, по которой оно представляется въ своихъ точныхъ чертахъ, не смѣшиваясь съ другими предмѣтами, которые воспящали его узнавать. Я старался замѣтить такую мѣру вида: но не могу себя льстить, что я нашелъ ея въ самой точности. Все то, что мнѣ можно было собрать,

брать, я здѣсь предлагаю. Ежели оно покажется скучнымъ, я не препятствую никому прибѣгнуть къ подлиннику, и пользоваться тамо съ вящшимъ удовольствїемъ. Я прїйму трудъ здѣлать сїе сочиненїе полезнымъ по крайней мѣрѣ тѣми правилами, которыя потщусь въ немъ замѣтить, а особливо разсужденїями, кои при способномъ случаѣ предложу я о двухъ величайшихъ язвахъ человѣческаго рода: суевѣрїи и тиранствѣ. Первое мое намѣренїе было чтобы здѣлать сокращенную исторїю Христины: но единообразное теченїе, и одинакїй слогъ повѣствованїй, которымъ писатели разполагаютъ исторїю, было бы для меня безпрерывнымъ запинанїемъ. Я не знаю, по какой причинѣ исторїя вообще почти приведена вездѣ къ нѣкоторому роду ежедневныхъ вѣдомостей, которыя пишутъ съ самыми мѣлочными обстоятельствами, на-

архимандрита

блюдая пристойный имъ слогъ. Говорятъ, что историкъ долженъ удалять свои разсужденія, а оставлять ихъ читателямъ. По моему мнѣнію лучшее средство, внушить читателю разсужденія, есть то, чтобы предложить ему оныя. Вся важность въ томъ состоитъ, чтобы знать, какъ умѣрить ихъ, какъ предложить искусно, и прицепить ихъ къ теченію рѣчи такимъ образомъ, чтобъ онѣ вмѣсто скуки и отвращенія умножили охоту. Словомъ сказать: разсужденія мнѣ кажутся быть столько нужны къ составленію исторіи со вкусомъ, и ко впечатлѣнію дѣйствій въ памяти, сколько геометрическія доказательства нужны ко внушенію содержанія и ясности предложеній. Историкъ, говорятъ, долженъ быть только свидѣтель, который поручаетъ дѣла въ сохраненіе другимъ; а его разсужденія могли

бы

бы навести подозрѣніе въ пристрастіи: но мнѣ кажется что самое упражненіе въ повѣствованіи дѣйствій предполагаетъ въ историкѣ столько же подозрительнаго пристрастія, сколько замѣченныя имъ разсужденія; и то пристрастіе, которое причиняетъ меньше скуки читателю, должно быть предпочитаемо другому. Въ протчемъ сіе въ пристрастіи подозрѣніе можетъ пасть на того только сочинителя, который пишетъ своего вѣка исторію. Сколько бы я ни приписывалъ похвалъ, или ругательствъ Христинѣ, могутъ сказать, что я обманулся, равно какъ естьли бы я придерживался и одному простому повѣствованію: но никогда не могутъ подозрѣвать меня, чтобы я былъ ея ласкатель, или злодѣй.

Я не намѣренъ предложить здѣсь исторію Христины, чтобъ не итти мнѣ противу все общаго преду-

Лаврентьевъ

предувѣренія: но я хочу представить нѣкоторыя примѣчанія о главнѣйшихъ произхожденіяхъ жизни сея государыни. Сіе будетъ нѣкоторый родъ записокъ Христины, съ приложенными разсужденіями; или писмо о запискахъ ея; или разговоръ съ моимъ читателемъ. Я оставляю ему избирать наименованіе сего сочиненія.

Я оставляю свѣту говорить о тѣхъ письмахъ, которыя Христина, будучи пяти лѣтъ возраста своего, писала къ Королю родителю своему, изъясняясь, что она старается учиться хорошо молиться Богу. Сочинитель записокъ Христины признаваетъ, что онѣ не заслуживаютъ вниманія иностранныхъ; но что достойны только быть уважаемы въ Швеціи. Я оставлю такъ же говорить о рожденіи ея, и Густава Адолфа, ея отца, дабы принять нѣсколько

времени

времени на разсужденіе сего славнаго побѣдителя.

Густавъ будучи въ союзѣ съ Франціею, мстилъ Фердинанду Императору за утѣсненіе имперскихъ протестантовъ. Дворъ Римской, завидуя Австрїйской силѣ, тайно тѣмъ доволенъ былъ. Вся Баварїя возсылала молитвы, произносила проклятїя и заклинанїя на сего Государя. Германскіе монахи утверждали, что онъ былъ антихристъ; а Лютеранское духовенство вопреки доказывало. Сочинитель сихъ записокъ увѣряетъ, что Государь сей былъ въ побѣдахъ своихъ весьма умѣренъ. Сказываютъ, что Германія умѣренностїю сею должна тѣмъ чувствованїямъ, которыми Густавъ напоенъ былъ, и которыя расположили усердіе его къ Католикамъ въ то время, когда будучи молодъ учился онъ въ Павїи у сла-

Пардетта

славнаго Галилея, съ которымъ Инквизицїя поступила послѣ какъ съ еретикомъ за то, что онъ былъ Астрономъ. Но кромѣ того, что путешествїе Густава весьма невѣроятно, еще и непримѣтно, чтобы та сторона, въ которой мнѣнїе Птоломеево о свѣтѣ почиталось членомъ вѣры, могла Лютеранскому Государю вперить предварительно лестныя объ ней мнѣнїя. Какъ бы то ни было, Папа Урбанїй VIII, ревнуя какъ самодержавный Патрїархъ по вѣрѣ, и дыша ненавистїю на Фердинанда Императора, свидѣтельствовалъ, что Гишпанцы во время Карла V больше здѣлали зла Римской церкви, ежели Швецы въ Германїи при Густавѣ. Желательно было бы для чести Густава и человѣчества, чтобы онъ достоинъ былъ въ самомъ дѣлѣ той похвалы, которая приписывается въ исторїи умѣренности его. Ежели

что

что можетъ здѣлать сїю похвалу подозрительною; то сїе есть вкусъ къ наукамъ, который историкъ приписываетъ Густаву, потому, что онъ читывалъ книги о тактикѣ и воинской наукѣ, подобно какъ естьли бы онъ доказывалъ, что умершїй Король Прускїй любилъ науки, потому, что по чрезвычайной его ревности къ своимъ войскамъ оказывалъ онъ нѣкоторое благоволенїе къ лѣкарямъ находящимся въ полкахъ его. Историкъ сей столько предувѣренъ о своихъ Государяхъ, что онъ простираетъ похвалы о любви наукъ даже до Карла XII, который въ жизни своей ничего не читалъ кромѣ Юлїя Кесаря. Такимъ образомъ будучи похваляемы Монархи, не имѣютъ нужды стараться заслуживать похвалы: но потомство, котораго суду подвержены писатели и Государи, воздастъ достойное и тѣмъ, которые

рые вѣнчаютъ похвалами, и тѣмъ, которые приемлютъ оныя.

Во всей исторіи Густава для меня всего удивительнѣе тѣ мудрыя разсужденія, кои приписываютъ ему о побѣдителяхъ. Можно бы подумать, что Сократовъ умъ родилъ ихъ; и Густавъ долженствовалъ бы къ чести толь изящныхъ разсужденій присовокупить славу показаніемъ ихъ примѣрно на самомъ дѣлѣ. Здѣланныя имъ обиды Австрійскому дому не служили Швеціи къ лучшему щастію. Я не знаю почти, чтобъ другаго какого Государя, кромѣ Императора Петра Великаго, побѣды были обращены въ пользу его народа. Но сія задача долженствуетъ быть рѣшима Нравоученіемъ. Дозволительно ли Государю для умноженія блаженства своихъ подданныхъ дѣлать нещастными своихъ сосѣдовъ. Ко утвержденію спокойствія имперіи, и ко усмиренію

Австрійскаго дому, не нужно было, чтобы Густавъ захватилъ въ одинъ годъ большую половину Германіи, и чтобы возбудилъ такую ревность и зависть въ равныхъ ему союзникахъ, что Людовикъ XIII не согласился имѣть съ нимъ свиданіе, котораго вся честь осталась бы при Королѣ Шведскомъ. Густавъ утверждалъ основателно что нѣтъ различія между Государями, кромѣ добродѣтелей ихъ: но главнѣйшая добродѣтелъ Монарховъ есть человѣколюбіе, любовь правды и мира. Государи имѣющіе только власть и силу, почитаемые отъ царедворцевъ своихъ первѣйшими изъ человѣковъ, для мудраго суть послѣдніе.

Сей Государь былъ убитъ на сраженіи при Люпценѣ страннымъ образомъ, который подалъ причину мыслить, что въ приключеніи семъ сокрывалось нѣчто тайное.

Хри-

Христина будучи еще въ младенчествѣ здѣлалась преемницею его престола. Въ расположенїи, которое славный Канцлеръ Оксенштирнъ здѣлалъ для правительства, можно примѣчать съ похвалою имени сего великаго министра, что онъ удалялъ отъ престола деспотическое правленїе. Онъ кажется быть преклоннымъ къ правленїю составленному изъ монархическаго и республиканскаго. Можно сказать, что такое правленїе имѣетъ свои выгоды, не касаясь въ протчемъ нѣжной задачи о лучшемъ изъ возможныхъ правительствъ, которой рѣшенїе можетъ имѣть разные виды по различїю климатовъ, обстоятельствъ, качества Государей, и свойства народовъ: однако не можно вѣрить, чтобы толь просвѣщенный мужъ, каковъ Оксенштирнъ, отдалъ преимущество аристократическому правленїю, которое по естествен-

ному праву, и по опыту, доказывается быть хуже всѣхъ.

Тѣ, которымъ поручено было воспитанїе Христины, имѣли повелѣнїе внушать ей заранѣе, чтобы она не отдавала всей своей довѣренности единой только особѣ. Правило сїе само по себѣ есть безъ сомнѣнїя превосходное: но многїе изъ Государей употребили его во зло, удаляя довѣренность свою равномѣрно отъ добродѣтелей и пороковъ, не принимая никогда совѣтовъ отъ другихъ, и думая про себя, что они разумны, и основательны, когда въ протчемъ не имѣли ничего, кромѣ тщеславнаго упрямства, и своенравїя.

Христина показала заблаговременно отличную остроту разума: она читала въ юныхъ дѣтахъ, какъ увѣряютъ многїе, Туцидида, и Поливїя въ подлинникѣ, и дѣлала при чтенїи хорошїя разсужденїя. Лутче бы здѣлали, есть-

ли

ли бы научили ея знать больше людей, нежели ГреческихЪ писателей. Истинная философія еще больше нужна Государю, нежели исторія. Я выключаю исторію священнаго писанія, для упражненія которой Шведское правительствующее собраніе опредѣлило, чтобы младая Христина употребила больше времени, какЪ на такое знаніе, которое есть источникомЪ всѣхЪ другихЪ. Достойно похвалы то правительство вЪ разсужденіи толикаго вниманія кЪ правиламЪ вѣры, которыя долженствовали быть внушены юной Монархинѣ: но обращая вниманіе кЪ сему предлогу, кажется, что всѣ другіе предмѣты были больше надлежащаго оставлены; слѣдствіе показало, что не надобно было презирать ихЪ и оставлять вЪ небреженіи.

Я не вступаю ни вЪ какія обстоятельства касающіяся состоя-

стоянія Христины, когда она была еще подъ надзираніемъ; ни о томъ, какъ она поступила съ Франціею, принявъ державу правленія; ни о взаимныхъ жалобахъ сея Государыни и ея союзниковъ, можетъ быть равномѣрно справедливыхъ. Сіе есть безъ сомнѣнія важное предпріятіе, чтобы рѣшить тѣ политическія прѣнія. Неизвѣстность дѣлъ происходящихъ предъ глазами нащими долженствуетъ навести подозрѣніе на мнимое рѣшеніе древнихъ тайныхъ хитростей, которыхъ исторія можетъ быть весьма отмѣнно была бы написана главными дѣйствующими особами; и такъ съ осторожнымъ молчаніемъ о всѣхъ оныхъ дѣлахъ я оставляю говорить. Предлогъ моего сочиненія есть частная исторія Христины, а не государства ея; и я не разсуждаю о ней ни мало почти на престолѣ Шведскаго пра-

 вленія,

вленія, дабы видѣть ея вольнѣе и ближе въ частномъ ея состояніи.

Почтеніе, которое Христина оказала славному Гроцію, есть одно изъ дѣлъ ея заслуживающее всеобщую похвалу. Сей славный мужъ своими сочиненіями, котораго однако наибольшую честь похвалъ составляло то, что онъ бывъ другъ Барневелта и защитникъ вольности своей земли, отправился во Францію искать себѣ убѣжища отъ гоненій Гомаристовъ. Онъ не понравился Кардиналу Ришелье, потому что онъ не льстилъ похвалами усердію его къ наукамъ: ибо необходимо надобно, чтобы великіе люди подобны были другимъ нѣкоторою слабостію. Покровитель Мирамы, и защитникъ власти деспотическихъ тиранновъ, которой гонилъ и награждалъ вмѣстѣ Корнелія, не только ничего не здѣлалъ

для Гроція, но еще принудилъ его, по единой ненависти къ нему, удалиться. Густавъ Адольфъ принялъ его къ себѣ; Оксенштирнъ отправилъ его обратно во Францію съ честію посланника; и Христина вскорѣ потомъ утвердила (1635) ему сіе достоинство. Она сыскала чрезъ сіе средство учинить награду достойную и ея и толь рѣдкихъ качествъ (1645) мужа; здѣлала тѣмъ досаду Голландцамъ, которыхъ она не любила, и Кардиналу, на котораго она по мнѣнію своему имѣла справедливыя причины къ жалобамъ и неудовольствію. Гроцій по своему качеству и природѣ будучи не способенъ ни къ какимъ гибкостямъ ласкательнымъ, и котораго достоинство не дозволяло оныя дѣлать, имѣлъ удовольствіе обходиться съ министромъ яко съ равнымъ, который прежде его презиралъ. Сіе много дѣлаетъ

чести Христинѣ, что она мыслила о Гроціи такЪ, какЪ и потомство. Одобреніе ея не нужно было ко славѣ столь великаго мужа: однако всегда похвально для Государей быть справедливыми, и признавать сЪ прочими славныхЪ и добродѣтельныхЪ людей.

Хотя бы Христина по единому тщеславію оказала уваженіе Гроцію, то и за сіе должно отдать ей справедливость: ибо ежели оное есть слабость вЪ ГосударяхЪ, какЪ и вЪ другихЪ людяхЪ, то по крайней мѣрѣ такая слабость, которая можетЪ ихЪ руководствовать кЪ великимЪ дѣламЪ.

(1646) Послѣ побѣды при Норлингѣ, гдѣ ПринцЪ Конде и ТюренЬ предводителствуя Французскими войсками отмщевали за честь ШведовЪ, которые нѣсколько лѣтЪ прежде были на томЪ

самомЪ

самомъ мѣстѣ разбиты, Христина писала къ Принцу Конде благодарительное писмо. Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Принцъ сей въ отвѣтномъ письмѣ своемъ признаваетъ себя одолженнымъ Тюрену большею частїю своихъ успѣховъ. Ежели сїе повѣствованїе справедливо, то Принцъ Конде признавая честь побѣды принадлежащею Тюрену, возвысилъ славу свою на верьховную степень: однако въ отвѣтномъ письмѣ его не видно никакого слѣда сего признанїя.

(1647) Не удивительно, что Христина любя страстно науки и покой, сколько отецъ ея любилъ войну, спѣшила заключить Вестфальской миръ. Высокомѣрность и завистная ревность Министровъ служили гораздо большимъ еще къ тому помѣшательствомъ, нежели толь многїя выгоды, которыя

надлежало помѣстить въ заключеніи мира. Полномочные Министры Шведскіе были Графъ Оксенштирнъ, сынъ великаго Канцлера Шведскаго, и Алдеръ Салвіусъ Королевскій Канцлеръ. Они также были въ несогласіи между собою, какъ и Французскіе полномочные Министры. Графъ Оксенштирнъ поступалъ во всемъ по совѣтамъ отца своего, который не былъ любимъ Христиною, потому что онъ весьма нуженъ былъ ей, и что искалъ противъ желанія Королевы удалить заключеніе мира. Онъ чаялъ найти въ продолженіи войны славу Швеціи, ослабленіе Франціи, которой онъ боялся какъ опасной союзницы, и пользу Германскихъ Протестантовъ. Онъ взирая на смѣсь толь неустройныхъ дѣлъ писалъ къ своему сыну: „или „ты не знаешъ, сынъ мой, сколь „малое дѣло есть тайна упра„влять свѣтомъ?„

Салвій, товарищъ Оксенштирновъ, человѣкъ дружелюбнѣйшаго свойства, былъ во всей довѣренности и во всей милости у Королевы, и въ протчемъ имѣлъ свои заслуги. Христина, какъ и всѣ Государи, любила лутче, чтобы ей ласкательствовали, нежели служили: однако она болѣе при сей слабости была просвѣщена, нежели чтобъ жертвовать своему самолюбію всею честію своего вкуса полагаемаго въ различіи людей, и своими истинными пользами. При пожалованіи Салвія Шведскимъ Сенаторомъ, хотя онъ и не былъ изъ знатнаго дому, говорила она Сенату рѣчь, которую всѣ Государи знать бы на изустъ должны: „Когда потребны добрыя мнѣнія, „и мудрые совѣты, то не спрашиваютъ о дворянствѣ шестнатцати колѣнъ, но о томъ „что надлежитъ дѣлать. Салвій „былъ бы искуснѣйшій человѣкъ

 „безъ

„безъ сомнѣнія, естьли бы онъ „былъ изъ знатнаго рода. Ежели „дѣти великаго происхожденія „имѣютъ достойныя качества, то „они сыщутъ щастіе свое какъ „и другіе: но я не оставляю при „ихъ единыхъ сея чести.„

(1648) Сей столь желанный Вестфальскій миръ здѣлался наконецъ ко взаимному удовольствію участныхъ державъ, но къ великому огорченію Папы Иннокентія X. Папа сей хотѣлъ найти въ примиреніи семъ двѣ невмѣстныя выгоды, униженіе Австрійскаго двора, котораго онъ желалъ какъ самодержавный Государь и ослабленіе Протестантовъ, котораго онъ хотѣлъ какъ самодержавный Патріархъ. Онъ обнародовалъ грамоту, въ которой не признавалъ Христину Королевою Шведскою въ наказаніе ея, что она содѣйствовала къ заключенію мира. Такой посту-

поступокъ былъ бы уваженъ въ двенатцатомъ вѣкѣ, когда Государи почитали грамоты и благословенія Папъ нужными къ принятію престола: но грамота Иннокентія X пришла въ свѣтъ поздо, пять сотъ лѣтъ послѣ. Нунціусъ велѣлъ прибить по всѣмъ улицамъ въ Вѣнѣ грамоту своего Патріарха: а Императоръ повелѣлъ отнять оную. Иннокентій умолкъ, и больше о томъ никто не говорилъ.

Любовь вольности, которая обладала Христиною, заставляла ея отказывать всѣмъ предлагаемымъ ей супружествамъ, хотя многіе были и весьма выгодны для нея, и хотя Швеція убѣждала ея вступить въ бракъ. Король Гишпанскій Филипъ IV имѣлъ желаніе вступить въ супружество съ Христиною: но вскорѣ оставилъ сіе намѣреніе, боясь чтобъ сей союсъ но здѣлалъ его принужденнымъ

нымъ не почитать и не поступать больше съ Протестантами, какъ съ иновѣрными.

КарлъГуставъ, Курфирстъ Палатинской, казался, что больше всѣхъ желалъ имѣть Христину супругою, которому она и назначена была отъ младенчества. Христина также отвѣтствовала ему, какъ и другимъ соперникамъ его: однако объявила его чрезъ свой Сенатъ наслѣдникомъ своего престола, или потому что онъ внушилъ ей меньше отвращенія къ себѣ, нежели другіе; или что она уже имѣла тогда намѣреніе оставить престолъ. Такимъ образомъ она и сохранила вольность свою, и утвердила въ безопасности спокойствіе Швеціи, и предварила честолюбіе нѣкоторыхъ Шведскихъ домовъ, которые послѣ смерти ея могли бы спориться о престолѣ. Назначено было Карлу Густаву опредѣленное число доходовъ для содер-

содержанія его двора. Королева говорила, что сіе есть тайна королевскаго дому, чтобы не давать никакихъ земель наслѣдному Принцу; тайна, которая не заслуживаетъ сего имени, и которую Государи слабаго просвѣщенія и ограниченнаго духа будутъ имѣть правиломъ. По симъ причинамъ Христина всегда удаляла Карла Густава отъ дѣлъ во время своего правленія. Хотя она не имѣла слѣпой привязанности къ престолу; однако любя независимость по своему нраву, она не хотѣла терпѣть никакихъ убѣжденій, которыя бы принуждали ея оставить престолъ противъ ея изволенія. Въ то время случились бунты во Франціи: брань оная, которой все оружіе было праща; оная славная война больше смѣшными дѣлами, нежели несчастіями, которыя казалась она навлекать въ слѣдъ себя; ссылка Мазарина, воз-

вращеніе его, вторичная ссылка его, взятіе его подъ караукъ, сеймы бунтующагося парламента, котторой подписывалъ опредѣленія, когда уже сраженіе производилось, и поручалъ полкамъ взятіе подъ стражу нѣкоторыхъ особъ, когда уже брань свирѣпствовала. Любовь Христины къ спокойствію, боязнь чтобы сія гражданская война не воспричинствовала новой всеобщей брани, и можетъ быть благоволеніе, которое она имѣла къ Принцу Конде, возбудили ея принять участіе въ тѣхъ бунтахъ. Она отправила къ Королевѣ Аннѣ Австрійской, къ Дюку Орлеанскому, къ Принцамъ и парламенту письма, которыя не произвели другаго дѣйствія, какъ только что привлекли отъ Французскаго двора жалобы на резидента ея, и выговоры ему отъ ея съ стороны; хотя онъ и слѣдовалъ предписываемымъ отъ нея повелѣніямъ. Бунты сіи начались

чались безъ ея, и кончились безъ посредства ея. Парламентъ, который хотѣлъ вступить въ нѣкоторый родъ союза съ сею Королевою, былъ сосланъ въ ссылку въ Понтуазъ, и по особливому своему счастїю былъ возвращенъ нѣсколько лѣтъ послѣ для засвидѣтельствованїя своего почтенїя тому же Кардиналу, который отъ Парламента приговоренъ былъ къ смерти. Принцъ Конде убѣжалъ въ Гишпанїю, потерялъ все, кромѣ славы своей, а Мазаринъ остался до самаго конца жизни своей побѣдителемъ Королевы, Короля, и государства.

(1650) Любовь и усердїе, которое Христина имѣла, или казалась имѣть къ отличнымъ людямъ, возбудили въ ней желанїе, чтобъ призвать къ себѣ славнаго Декарта, возобновителя Философїи, который былъ незнаемъ во Францїи, своемъ отечествѣ, по тому,

му, что онѣ больше упражнялся вѣ наукахѣ, нежели вѣ исканіи своего счастія, преданѣ проклятію вѣ Римѣ за то, что больше вѣрилѣ о движеніи земли Астраномическихѣ примѣчаніямѣ, нежели Папскимѣ уставамѣ, и гонимѣ былѣ вѣ Голландіи за то, что на мѣсто школьныхѣ буесловій ввелѣ истинный способѣ любомудрія. Христина плѣнясь нѣкоторыми сочиненіями сего великаго мужа, предлагала ему многія изѣ тѣхѣ задачѣ касающихся нравоученія, вѣ которыхѣ Философы упражняясь отѣ долгаго времени, еще ихѣ не рѣшили, и которыя ни ко счастію не споспѣшествуютѣ, ни кѣ честности человѣковѣ. Таковѣ между прочими былѣ вопросѣ о совершенномѣ добрѣ, которое Декартѣ полагалѣ вѣ добромѣ употребленіи нашей воли: по тому, говорилѣ онѣ, что тѣлесное добро, счастія добро, и знанія наши не

зависятѣ

зависятъ отъ насъ. Но мнѣ кажется, что употребленіе нашей воли не меньше подвержено всемогущему Существу, какъ и все прочее. Сіе рѣшеніе при всей своей недостаточности столько понравилось Христинѣ, что она возъимѣла желаніе видѣть самаго Автора, какъ такого человѣка, котораго она счастливымъ почитала, и котораго завидовала состоянію. Приглашеніе сего Философа къ Королевѣ поручено было г. Шанюту Французскому посланнику при Шведскомъ дворѣ, который былъ его другъ. Онъ съ начала имѣлъ много труда, чтобы успѣть въ своихъ предложеніяхъ. Различіе климатовъ было главнѣйше причиною, которая удерживала Декарта предпріять сіе путешествіе. Онъ писалъ къ своему другу: „ что человѣку рожденному въ „ Туренскихъ садахъ, уединившемуся въ такую землю, гдѣ хо-

„ тя

,, тя меньше было меда въ са-
,, момъ дѣлѣ, но можетъ быть
,, больше млека, нежели во обѣто-
,, ванной Израилтянамъ землѣ, не
,, можно рѣшиться скоро оставить
,, оную и итти обитать въ зем-
,, лѣ медведей, посреди вертеповъ
,, и льдовъ. ,,

Сія причина довольно была сильна для мудраго, которому здравіе его драгоцѣнно: ибо оно есть изъ тѣхъ добръ, которыя не зависятъ отъ другихъ людей. Или можетъ быть Декартъ любя страстно уединеніе, и предавъ себя единственно безпрепятственному исканію истинны, опасался нѣсколько приближиться ко престолу. Сколько бы Государь ни былъ любитель мудрости, или притворялся быть онымъ; однако санъ его составляетъ въ немъ неизмѣняемое свойство, которое всегда внушаетъ страхъ всѣмъ приближающимся къ нему, и оно не сораз-

соразмѣрно Философіи, какія бы мѣры Монархъ ни употреблялъ, чтобъ увѣрить ея о вольности. Мудрый имѣетъ къ Государямъ глубокое благоговѣніе, почитаетъ ихъ иногда внутренно, и всегда удаляется отъ нихъ. „Мы „одинъ для другаго служимъ „великимъ позорищемъ, писалъ Декартъ къ нѣкоторому подобному себѣ Философу, котораго онъ убѣждалъ пріити раздѣлить съ нимъ уединеніе свое въ то самое время, когда Христина хотѣла извлечь его изъ онаго.

Но часто и самая любовь вольности не сопротивляется Государямъ, когда они убѣждаютъ. Декартъ отправился скоро въ Стокгольмъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не скрыть отъ сей Монархини ничего изъ своихъ мнѣній, или возвратиться философствовать въ свое уединеніе. Можно видѣть изъ его писемъ, что онъ

весьма

весьма былъ доволенъ пріемомъ Королевы: она уволила его отъ всѣхъ тѣхъ узъ, которымъ подвержены придворные: но за сіе онъ заплатилъ другими принужденностями, которыя приводя образъ жизни его въ крайней безпорядокъ, купно со строгостію климата, въ четыре мѣсяца лишили его жизни. Декартъ нашелъ въ Христинѣ много разума и проницательности. Впрочемъ кажется, то сей Философъ былъ усерднѣе къ несчастной Принцессѣ Палатинской, которая была первая его питомица, или потому что испытанныя имъ самимъ несчастія усугубили его привязанность къ ней, или что онъ нашелъ въ ней больше просвѣщенія или того повиновенія, которое составляетъ верховную честь начальника секты.

Сіе предпочтен е, которое онъ по видимому далъ чувствовать, возбу-

возбудило въ Христинѣ нѣсколько зависти. Декартъ оставляя всѣ другія высокомѣрности, придерживался тому честолюбію Философовъ, которое хощетъ, чтобы мнѣнія его и вкусъ были принимаемы со особливою отмѣною отъ другихъ. Онъ не похвалялъ, что Христина раздѣляла время свое на Филозофію и ученіе языковъ; находилъ, что вольность его терпѣла иногда принужденности среди той толпы ученыхъ, которыми Христина была окружена. Сіе заставило иностранныхъ говорить, что Швеція скоро будетъ управляема Грамматословами. Онъ отважился предложить ей весьма вольныя и сильныя представленія, которыя могли бы разсорить его на всегда съ ученымъ Исаакомъ Воссіусомъ, учителемъ Королевы въ Греческомъ языкѣ, тѣмъ не вѣрнымъ и суевѣрнымъ Богословомъ, о которомъ Карлъ II

Аглинскій Король говаривалъ, что онъ всему вѣрилъ, кромѣ Библіи. Сіи представленія Декартовы не помѣшали Королевѣ учиться Греческому языку: однако не перемѣнили добрыхъ чувствованій, которыя она имѣла къ сему Философу. Она раздѣляла время свое на упражненіе съ нимъ; хотѣла здѣлать Директоромъ Академіи, которую намѣревала она учредить, и на конецъ доказывала къ нему столько почтенія, что сіе подало причину думать, что Стокгольмскіе Грамматословы отравили ядомъ сего Философа, и ускорили тѣмъ смерть его: но симъ способомъ избавляться отъ непріятелей, говоритъ Сорбіеръ, есть такая честь, въ которой люди ученые великимъ не завидуютъ.

Христина сколько ни казалась любить страстно Философію Декартову, однако нѣтъ никакихъ

видовъ,

видовъ, чтобъ она совѣтовала съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, какъ многіе думаютъ. Будучи воспитана въ лучшемъ Европейскомъ училищѣ политическомъ, то есть въ Шведскомъ Сенатѣ, какое вспомоществованіе могла бы она имѣть отъ такого Философа, который довольно показалъ своимъ поведеніемъ въ Голландіи, сколь мало онъ зналъ обращенія съ людьми, и которому тритцатилѣтнее уединеніе восняшало знать его? Нѣкоторые говорили, что Христина мало оказывала ревности и уваженія ко мнѣніямъ Декарта, но имѣла почтеніе къ его особѣ; и что весь плодъ упражненія ея въ Философіи состоялъ въ томъ, что она увѣрена стала, что въ семъ родѣ древнія суемудрія гораздо стоятъ новыхъ.

(1651) Христина вскорѣ возъимѣла важнѣйшія дѣла въ государствѣ, нежели ученіе Греческаго язы-

ка, ученіе о рожденныхъ понятіяхъ и другихъ умствованіяхъ Философскихъ. Рѣшеніе которое она приняла, чтобъ не вступать въ супружество, возбудило въ народѣ смятеніе и опасеніе, чтобы не остался престолъ безъ наслѣдія. Истощеніе государственныхъ сокровищъ приведенныхъ въ безпорядокъ чрезмѣрными ея иждивеніями, причинило всеобщее неудовольствіе. Тогда впервые Королева начала думать о оставленіи престола. Пришедъ въ полное собраніе Сената, она обЪявила предпріятое ею намѣреніе, и увѣдомила о томъ письменно Карла Густава. Принцъ сей довольно будучи искусенъ, чтобы взять на себя притворный видъ, и опасаясь чтобы Королева не здѣлала надъ нимъ, яко надъ своимъ преемникомъ, опаснаго опыта, не принялъ предложенія Христины; молилъ Бога, и просилъ Швецію сохранить

нить ея долголѣтно на царствованіи, и показывалъ торжественно усерднѣйшія чувствованія къ ней, которыхъ онъ не имѣлъ въ самомъ дѣлѣ. Уединеніе, въ которомъ Принцъ сей по видимому желалъ провождать время свое принявъ наслѣдство, предосторожность, которую онъ взялъ, чтобъ удалиться отъ двора, крайняя скромность, которую онъ хранилъ въ рѣчахъ и поступкахъ, былъ знакомъ для тѣхъ, которые нѣсколько въ дѣла проницаютъ, что онъ желалъ взойти на престолъ. Можетъ быть онъ льстилъ себя, что Сенатъ принимая предложеніе Христины о оставленіи престола, доставитъ ему честь царствованія при всей его скромности. Но надежда его обманула. Христина или хотя успокоить недовольныхъ и утвердиться на престолѣ желаніями ихъ; или увидя, что оставленіе престола ея было при-

нято

нято отъ иностранныхъ не съ тѣми одобрительными мнѣніями, какъ она чаяла; или наконецъ желая по своенравію удержать престолъ, который тщеславно предпріяла оставить, склонилась или казалась склониться на неотступныя убѣжденія своего наслѣдника и подданныхъ своихъ.

(1652) Христина писала слѣдующаго лѣта къ Году, Епископу Ванскому, котораго мы имѣемъ много стиховъ, а мало стихотворческихъ сочиненій. Сей Архіерей величалъ ея похвалами въ письмахъ: она говорила ему въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, что учтивые люди Французы имѣютъ такую привычку хвалить другихъ, что она не смѣетъ жаловаться на сей всеобщій обычай, и что она его за то благодаритъ. Сей же самый Епископъ упомянулъ въ своемъ письмѣ къ Королевѣ желаніе свое, чтобы

обратить

обратить ея къ Римскому исповѣданію вѣры. Она благодаря сего первосвященника за добрыя его намѣренія, желала ему имѣть счастіе мыслить какъ она, и удивлялась, какъ можно быть столько просвѣщеннымъ, и не быть Лютераниномъ. Она показала себя также не весьма преданною Римской церквѣ въ письмѣ, которое писала она около тогожъ времени къ Фридерику принцу Гессенскому, что бы отвратить его отъ принятія Католицкой вѣры. Сіи два письма должны были удивить свѣтъ со стороны Королевы, которая черезъ годъ послѣ приняла Римской церкви исповѣданіе, ежели бы не извѣстно было, сколь въ краткое время люди, а паче Государи, перемѣняютъ мнѣнія свои и вкусъ. Нѣкоторый Протестантскій писатель, упоминая о тѣхъ двухъ письмахъ, говоритъ больше

съ язвительнымъ, нежели съ разсудительнымъ духомъ, что часъ благодати еще не пришелъ тогда. Можно бы сказать основательнѣе, что можетъ быть Христина не была еще довольно обезпокоена уставами Протестантскаго духовенства, чтобы возъимѣть къ нимъ отвращенїе: ибо люди столь несправедливы, что между ненавистїю духовенства и ненавистїю Богопочитанїя имъ проповѣдуемаго полагаютъ весьма малое различїе; ежели начинаютъ умалять уваженїе къ сему сану, все что было почтительно, дѣлается тогда средственнымъ; когда употребляетъ онъ во зло власть свою, все что было средственнымъ, дѣлается презрительнымъ. Но сїе безъ сомнѣнїя ни основательное, ни справедливое опредѣленїе: оно есть опредѣленїе страстей, для которыхъ принимать надобно нѣжные способы,

какъ

какъ для больнаго; и удобнѣйшее средство, чтобъ научить людей быть справедливыми, есть быть самому для нихъ справедливымъ.

Испытывая всѣ причины въ тонкость, которыя Христина предлагала Принцу Гессенскому, чтобъ остался онъ при своемъ исповѣданіи вѣры, можно удобно видѣть, что она не имѣла основательной привязанности къ своей вѣрѣ. Она будучи Лютеранскаго исповѣданія, и слѣдственно столько же удалена отъ Калвинской, сколько и отъ Римской церкви, совѣтуетъ сему Калвинскому Принцу не премѣнять своего исповѣданія, и кажется презирать ту безумную ревность, съ которою многіе мнящіе себя быть мудрыми, писали о такихъ вещахъ, которымъ надлежало только вѣрить. Я оставляю, говоритъ она, тѣмъ, которыхъ искуство состоитъ въ рѣшеніи преній, спорить о

 семъ

семъ сколько имъ угодно. Она представляетъ Принцу, въ побужденіе сохраненія своей вѣры, честь, постоянство, выгоды своего дома, и отечества: сіи выгоды не достойны быть въ равновѣсіи съ пользами истинныя вѣры; но онѣ соразмѣрны тщеславію и слабости человѣческой.

Щедроты изливаемыя Христиною безо всякаго почти различія и умѣренности, привлекли ей похвалы отъ всѣхъ Шведскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Писатель исторіи ея считаетъ до двухъ сотъ похвальныхъ рѣчей, которыя всѣ преданы забвенію, какъ и всѣ похвальныя слова, сочиненныя Государямъ при ихъ жизни. Плиніево похвальное слово Траяну, говоренное предъ нимъ въ полномъ собраніи Сената, почти одно только осталось. Имя Оратора, и понятіе сочиненіемъ его подаемое намъ о краснорѣчіи того времени, не столь-

столько споспѣшествовали къ сохраненію его, сколько добродѣтели Государя, бывшіе содержаніемъ онаго. Не сочиненіе сіе здѣлало безсмертнымъ имя сего Монарха, но Монархъ предалъ оное потомству; и можетъ быть сіе похвальное слово много бы отняло у Траяна чести, ежели бы не собственныя заслуги его; заставили позабыть ту слабость, которую онъ имѣлъ слушать оное.

Я оставляю говорить о всѣхъ тѣхъ знакахъ милости, которые Христина оказала Сомезу, тому скучному мудрецу, который учась толь многимъ вещамъ, научился вмѣстѣ и сны толковать; что она почтила его посѣщеніемъ; читала вмѣстѣ сочиненіе о средствахъ достиженія знаній, о борбѣ между Бурдело и Бейбомомъ, и другихъ достопамятныхъ запискахъ. Оставляю упоминать о именахъ всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ Хри-

стина пригласила въ свое Государсударство, или которыхъ она тамо нашла, и о перепискахъ ея съ ними. Она лучше бы здѣлала, естли бы не писавъ столько учтивыхъ писемъ къ ученымъ, велѣла прислать больше векселей Николаю Гейнсїусу, которому она поручила закупить для нея книги древнихъ рукописей и медалей, и которому никогда не заплачены были задатки. Писатель исторїи Христины хочетъ оправдать ея въ разсуждении сего дѣла, и ставитъ безчестнѣйшимъ человѣкомъ Генсїуса за то, что онъ жалуется на нея. Весьма обыкновенно Государямъ не хранить слова своего между подобными себѣ Монархами: однако не дозволено простирать право сїе до частныхъ людей.

(1653) Всего достойнѣе примѣчанїя въ упомянутыхъ письмахъ Христины то предложенїе, кото-

рое

рое она здѣлала , присовокупивъ богатый подарокъ Скудерію, естьли можно въ томъ вѣрить новѣйшему писателю , чтобъ онъ принялъ обратно приписанное имъ Королевѣ стихотворческое сочиненіе , называемое Аларикъ , съ тѣмъ условіемъ, что онъ изгладитъ изъ него похвалу г. де ла Гардія, который подвергнулъ себя гнѣву Королевы. Скудерій на сіе отвѣтствовалъ , что онъ не разрушитъ никогда того олтаря , гдѣ онъ жертвовалъ. Сей благородный отвѣтъ подалъ притчину сожалѣть, что сочиненіе Аларикъ не было лучшее.

(1653) Между учеными, съ которыми Христина имѣла обращеніе, не было ни одного Агличанина. Сей народъ , учинившійся послѣ столь славнымъ и изобильнымъ великими умами, былъ тогда занятъ бунтами и междоусобными бранями ; а такое состоя-

нїе не весьма щастливо для наукѣ. Англїя тогда казнила смертїю Карла I, и мыслила только о вольности своей, величествѣ, и торговлѣ. Новое произшествїе, учиненное надѣ симѣ Государемѣ, причинило великую молву вѣ Швецїи: многїе похваляли, говоритѣ Французскїй посланникѣ г. Шанютѣ, что здѣланѣ былѣ примѣрѣ на Аглинскомѣ Королѣ, лишенномѣ своей державы за нарушенїе правѣ уставленныхѣ между имѣ и подданнымѣ ему народомѣ; однако всѣ вообще хулили необузданную свирѣпость и ужасную несправедливость того народа. Весьма невѣроятно, что бы Христина получивѣ сїе извѣстїе, говорила слѣдующїя приписываемыя ей слова: Агличане казнили своего Государя, который имѣ ничего не дѣлалѣ, и они хорошо здѣлали. Какѣ можно согласить сїи слова сѣ тѣмѣ письмомѣ, которое она писала вѣ

то

то самое время къ сыну нещастнаго того Монарха, гдѣ она осуждаетъ строго опредѣленія убійственнаго Парламента. Ужасъ и отвращеніе, которое случай сей внушилъ Христинѣ, удерживали ея заключить договоры, которыя дѣлалъ съ нею посланникъ Кромвелевъ, находившійся при дворѣ ея. Онъ получа желаемый конецъ своихъ требованій и многимъ трудомъ и долгимъ временемъ, жаловался, что во все время, когда онъ бывалъ представленъ Королевѣ, не говорили ему какъ только о философіи, увеселеніяхъ, и играхъ.

Изъ всѣхъ иностранныхъ министровъ находящихся при Шведскомъ дворѣ, Христина больше жаловала Гишпанскаго посланника Пимантеля. Онъ будучи представленъ ей въ первый разъ, вышелъ изъ чертоговъ не говоря ни слова, и на завтрѣе признался ей,

что онъ пораженъ былъ величествомъ, сіяющимъ во всей особѣ ея. Не трудно судить, понравился ли онъ ей. Пимантель, искусный министръ, пользуясь симъ первымъ щастливыхъ случаемъ приобрѣлъ довѣренность Королевы. Онъ въ скоромъ времяни узналъ въ ней любопытную страсть къ новостямъ, предувѣреніе противу всего послѣдняго; и что она удобно повѣряетъ тайны свои, естьли пріиметъ кого въ милость. Но щастіе Пимантеля, которое было къ великой пользѣ Гишпаніи, подало Франціи и Швеціи столько подозрѣнія, что Христина принуждена была въ скорости отпустить его.

(1654) Мы дошли теперь до того времени, когда Христина отказалась отъ престола. Намѣреніе, которое она имѣла за нѣсколько лѣтъ прежде, возобновилось въ ней весьма сильно: ни

что

что не могло ее отвратить отъ онаго. Можно примѣчать по нѣкоторымъ видамъ, что скука и отвращенie къ дѣламъ, и любовь вольности, были главныя причины, возбудившiя ея оставить престолъ. „Каждый день я слышу „все тоже, говорила она упоми„ная о дѣлахъ: я вижу что дол„жно мнѣ удалиться, и предать „себя наукамъ и обращенiю му„дрыхъ Она думала, что видитъ бѣса, [собственныя выраженiя ея] когда секретари ея приходили къ ней для подписыванiя дѣлъ; и правленie навлекая ей скуку, причинило такую задумчивость, что опасались, чтобы разумъ ея не пришелъ въ крайнее ослабленie. Христина писала наконецъ къ г. Шанюту о предпрiятомъ ею рѣшенiи; казалось, что она не весьма безпокоилась о томъ, что долженъ былъ говорить свѣтъ въ разсужденiи сего поступка ея:

„ мнѣ нужды нѣтъ въ томъ, го-
„ ворила она ему въ письмѣ, что
„ бы свѣтъ плескалъ въ руки, смо-
„ тря на мои дѣйствія; трудно
„ что бы мужественное и дерзно-
„ венное предпріятіе всѣмъ понра-
„ вилось. Я буду довольствовать-
„ ся одобреніемъ единаго: но и
„ безъ того могу быть въ себѣ
„ спокойна. Какое будетъ для ме-
„ ня удовольствіе воспоминать,
„ что я дѣлала добро человѣкамъ!
Но для чего же она не хотѣла больше дѣлать того?

Весьма разно говорили о оставленіи Христиною престола: оно имѣло бы еще больше всеобщей похвалы, (можетъ быть и не по достоинству) естьли бы принятіе Римской вѣры, которое она здѣлала въ скоромъ времени послѣ снисшествія съ престола, не раздражило всѣхъ противниковъ Католицкой церкви; ибо всѣ вообще превозносятъ похвалами Госу-

дарей,

дарей, которые оставляютъ престолъ. Люди столь мало имѣютъ понятія о важныхъ должностяхъ Государя, что почитаютъ славнымъ жертвованіемъ, когда онъ отказывается отъ царствованія; не метали бы они такъ слѣпо своихъ разсужденій, естьли бы вникали въ долгъ, который налагаетъ имя тому Монарху, кто его носитъ. Государь, рабъ истинны и благочинія, обязанъ первый исполнять тѣ законы, которыхъ онъ стражъ есть, и долженъ отвѣтствовать государству за всѣ тѣ зла, и за всѣ добра, которыя оставляются безъ дѣйствія. Сколь не многіе изъ Государей хотѣли бы носить царскій вѣнецъ, естьли бы при возшествіи на престолъ предложено было имъ условіе, что бы носить его съ царскими трудами. И тако Монархъ, имѣющій удобныя качествы къ правленію, есть законопреступникъ,

никъ, когда онъ дѣлаетъ ихъ безполезными чрезъ самоизвольное оставленїе престола. Онъ не можетъ быть извиненъ, какъ только давая престолу наслѣдника, достойнаго быть ему преемникомъ. Но кромѣ того, что такїе преемники весьма рѣдки, еще часто Государи, любя паче славу свою, нежели славу народа, оставляютъ наслѣдниковъ совсемъ по другимъ и противнымъ причинамъ. Тѣ, которые оставляютъ престолъ по неспособности своей къ правленїю, дѣлаютъ то, что и должны дѣлать. Есть такїе долги, за которые надлежитъ отдать по справедливости честь тѣмъ людямъ, которые исполняя ихъ оставляютъ важныя выгоды. Долгъ Монарховъ есть изъ числа сего; и Государи оставившїе престолъ заслуживали бы похвалы, естьли бы сїе было дѣйствїе справедливости, естьли бы недоста-

точныя качества къ достойному правленію, которыхъ слабость возчувствовали бы они въ себѣ, заставили ихъ отказаться отъ державы. Но многіе изъ Государей не имѣли сея чести, что бы оставить престолъ по одобрительнымъ причинамъ: они всегда почти отказываются отъ сего важнаго достоинства по единой любви къ праздности и желанію удовольствовать въ покоѣ уничижительные вкусы; они мыслятъ, что ничего имъ не достаетъ къ царствованію, кромѣ хотѣнія, и сіе хотѣніе, возраждаясь многократно во уединеніи ихъ, служитъ имъ мученіемъ. Одна изъ главныхъ пользъ, которую Государи могутъ имѣть по оставленіи престола, есть та, что симъ средствомъ они имѣютъ быть увѣрены о справедливости тѣхъ похвалъ, которыя были имъ сплетаемы во время власти ихъ; видѣть

дѣтъ уничтоженныхъ ласкателей, и найти себя во уединенїи съ своею добродѣтелїю, естьли они столько счастливы, чтобъ имѣть ея: однако не примѣчается, что бы сїя польза много льстила Государей, и примѣръ Монарховъ оставляющихъ самохотно царедворцевъ своихъ не весьма поразителенъ.

Сказываютъ, что Христина прежде оставленїя престола имѣла намѣренїе здѣлать съ Принцомъ Карломъ Густавомъ нѣкоторый родъ условїя, которое было бы для него весьма тягостно. Она хотѣла оставить для себя большую часть королевства, быть совершенно независимою, имѣть вольность путешествовать въ чужїе краи, или жить тамо въ Швецїи, гдѣ ей понравится; наконецъ она требовала, что бы преемникъ ея не дѣлалъ ни какой перемѣны въ тѣхъ чинахъ,

нахъ, которые отъ нея пожалованы. Карлъ, который съ начала старался отсовѣтовать Христинѣ, чтобъ она не оставляла престола, примѣтя, какъ видно, что она была уже тогда не въ состоянiи перемѣнить намѣренiе и слово свое, не принялъ тѣхъ предложенiй, и отвѣчалъ, что онъ не хочетъ быть Королемъ только по имени. Христина получа отвѣтъ сей сказала, что она ему предложила сiе условiе для того только, чтобъ узнать качество его, и что она видѣла, сколько Карлъ Густавъ былъ достоинъ престола, потому что онъ довольно знаетъ право Монарха. Сiе принужденное Христины привѣтствiе своему преемнику было ли искреннее? Карлъ Густавъ во оказанiе благодарности своей Королевѣ здѣлалъ тогда медаль, которой надпись содержала, что онъ имѣетъ скипетръ

отъ Бога и Христины. Сія медаль не понравилась государственнымъ членамъ, которые доказывали со основаніемъ, что Карлъ по ихъ избранію получилъ престолъ. Не можно опровергнуть того, (ибо вѣра учитъ насъ) что всякая власть приходитъ отъ Бога: но согласіе и одобреніе народовъ есть видимый знакъ законныя власти, утверждающій силу и дѣйствіе ея.

Духовенство хотѣло принудить Христину остаться въ Швеціи, боясь чтобъ она не перемѣнила вѣры, какъ будто бы сія Королева, жертвуя престоломъ своей вольности, не имѣла права пользоваться оною во всемъ пространствѣ ея, и не могла итти слушать обѣдни въ Римской церквѣ, не причиняя потрясенія во всемъ государствѣ. Однако Королева, или для того, что вознамѣрилась удалиться съ покоемъ

емъ отъ церковныхъ враждъ, столь страшныхъ и для Государей державшихъ власть въ рукахъ, или что приняла съ того времени рѣшенie препроводить послѣднія лѣта жизни внѣ своей земли, оставила Швецію въ скоромъ времени послѣ оставленія престола, и приказала здѣлать медаль, которой надпись была слѣдующаго содержанія: парнасъ лучше престола. Медаль сія столь мало чести дѣлаетъ ея разуму и качествамъ, сколько надпись ея вкусу. Прибывъ на границу Швеціи къ небольшому ручею, который раздѣляетъ Данію и Швецію: теперь я на волѣ, сказала она, и внѣ Швеціи, куда не надѣюсь никогда возвратиться. Карлъ Густавъ еще предлагалъ ей сердце и руку: но она отвѣчала, что уже не время. Переодѣвшись въ мужеское платье, была въ немъ большую часть

своего путешествія. Она проѣхала Данію и Германію не внимая ничему, что говорили объ оставленіи ею престола, и показывая въ семъ случаѣ великодушіе превосходнѣе той философіи, которая побудила ея отказаться отъ державы. Принцъ Конде, будучи въ Брукселліи во время проѣзда ея чрезъ сей городъ, спрашивалъ, гдѣ та Королева, которая такъ охотно оставила престолъ, за которой мы, говорилъ онъ, столько дѣлаемъ кровопролитія и браней, и за которымъ гонясь всю жизнь нашу не можемъ достигнуть его. Противники ея сказывали, что пріѣхавши въ Брукселлію она начала уже раскаеваться объ оставленіи державы. Сей слухъ разнесся въ Швеціи, и великій Канцлеръ Оксенштирнъ, будучи тогда уже на смертной постелѣ, сказалъ: я ей предвѣщалъ, что она будетъ раскаи-

раскаяваться о семъ поступкѣ: но она всегда дочь Густава. Сіи были послѣднія слова того великаго мужа.

Христина готовилась премѣнить свою вѣру, посѣщая всѣ монастыри и всѣ Римскія церкви, которыя находила она въ проѣздѣ, а особливо естьли въ тѣхъ зданіяхъ заключалось что любопытное. Принявъ Католицкую вѣру въ Брукселліи, она отреклась торжественно Лютеранской церкви въ Иншпрукѣ, и поставила въ знакъ свой сіи не весьма согласныя съ благовѣріемъ слова: fata viam invenient, то есть: судьбы управятъ путь.

(1655) Сіе произшествіе было для Каталиковъ великимъ торжествомъ, какъ будто бы мнѣніе сея Королевы умножило нѣкоторымъ образомъ силу тѣхъ основаній, на которыхъ утверждается Римская церковь, и какъ будто

што бы не можно принять истинныя вѣры по причинамъ вещественнымъ. Протестанты вопреки безъ всякаго почти основанія были въ крайнемъ отчаяніи въ разсужденіи сего поступка Королевы. Они говорили, что Христина не бывъ привязана ни къ какому исповѣданію церкви, перемѣнила вѣру для единой благопристойности, что бы вольнѣе можно было жить ей въ Италіи, куда она намѣревалась уединиться, и чтобъ имѣть удовольствіе провождать время между науками населяющими ту сторону. Они приводили во увѣреніе вольнаго ея духа въ разсужденіи вѣры нѣкоторыя письма и слова Христины, которыхъ точность должна быть довольно засвидѣтельствована, что бы не можно было заключить изъ нихъ какого либо сомнѣн я. Такъ напримѣръ, говорятъ, что Луанскіе езуиты обѣщевали ей мѣсто близъ святой Бригитты Шведской, и она сказала

сказала имъ: я бы лутче желала имѣть мѣсто между мудрыми. Неоспоримо, и нещастные опыты доказываютъ, что весьма рѣдко люди по единому убѣжденію ясныхъ и твердыхъ доказательствъ принимаютъ вѣру, которой на-чала не были впечатлѣны отъ младенчества. Корысть такъ часто бываетъ побудительнымъ средствомъ къ перемѣненію вѣры, что у честныхъ людей всегда почти теряютъ свое уваженіе тѣ, которые отрицаются отеческой вѣры, естьли хотя малое открывается подозрѣніе, что они не по любви ко истиннѣ, но по другому намѣренію перемѣнили оную. Ежели Христина приняла Римское исповѣданіе вѣры для того только, чтобы удобнѣе видѣть статуи въ Италіи, то она не заслуживаетъ имѣть ни единой статуи; и естьли она оставила добро дѣлать народамъ своимъ для живописныхъ

писныхъ картинъ, то она есть послѣдняя изъ самыхъ презрѣннѣйшихъ Государей.

Извѣстно, что будучи въ Римѣ сія Королева много оказывала вкуса къ работамъ великихъ художниковъ, которыми городъ тотъ наполненъ. Нѣкогда она разсматривала со удивленіемъ мраморную статую г. Бернина, которая представляла Истинну. Кардиналъ находившійся при ней взялъ случай сказать ей, что она любитъ истинну больше нежели другіе Государи: не всѣ истинны мраморныя, отвѣчала ему Христина.

Перемѣна вѣры ея была пагубна для Епископа Іоанна Матвѣя, учителя ея, того умѣреннаго и кроткаго Лютеранина, который дѣлалъ многія предложенія о соединеніи Протестантскихъ церквей. Реформаты порицая всегда Римскую церковь свирѣпствомъ и безчеловѣ-

безчеловѣчествомъ, тогда только проклинаютъ гоненія, когда онѣ касаются ихъ; въ протчемъ и сами свирѣпствуютъ не меньше гоненіями. Епископъ Іоаннъ будучи осужденъ, хотя и безъ всякаго основанія, что будто онъ былъ участникъ отпадшія отъ вѣры Христины, лишенъ своего Епископскаго престола государственными членами (1656). Христина не имѣя никогда любопытства видѣть Францію, возъимѣла вдругъ желаніе ѣхать туда по случаю нѣкоторыхъ злословій произшедшихъ отъ Гишпанцовъ, бывшихъ у нея служителями, и которыхъ она сослала. Можно видѣть по сему, что самыя легкія притчины удобны были возбудить въ ней любовь и ненависть. Сія склонность ко Франціи учинилась такъ велика, что она рѣшилась въ скорости предпріять путешествіе въ сію сторону, и на-

 роду

роду тому, страстно привязанно-
му къ своему Государю, показать
такую Королеву, которая оста-
вила престолъ для упражненія въ
любомудріи. Проѣзжая Француз-
скіе города, она испытала всѣ тѣ
скучныя привѣтствія и поздрав-
ленія, которыя терпѣть осуж-
дены Государи. Христина новооб-
ращенная къ Римской церквѣ,
всегда жена и Королева, приняла
худо Оратора, который говорилъ
предъ нею о совѣтахъ Божіихъ, и
о отверженіи міра. Она прибыла на
конецъ въ Фонтенебло, и удивляясь
учтивостямъ двора, спрашивала,
для чего тамошнія женщины каза-
лись съ такою ревностію цѣло-
вать ея: не по тому ли, говорила
она, что я похожа на мущину?

Изъ всѣхъ Французскихъ жен-
щинъ, Христина оказала больше
знаковъ почтенія славной Нинонѣ,
которую она посѣщала въ Санли-
сѣ. Сія отмѣнная женщина, ко-
торая

торая разумомъ своимъ, образомъ мыслей и поведенïемъ, играла съ великою славою дѣйствïе свѣтской женщины, была удобнѣе нежели всѣ другïя поразить духъ толь странной Королевы, какова была Христина. Нинона имѣетъ свою похвалу въ ласковомъ прïемѣ отъ Королевы: но не надлежитъ порицать Христину.

Изъ Фонтенебло она поѣхала въ Парижъ, гдѣ принявъ поздравленïе отъ всѣхъ чиновъ, имѣла скучныя и долгïя пиршества, дѣлаемыя ей даже и до трагедïй, представленныхъ въ школьныхъ училищахъ, которымъ она откровенно смѣялась. Она довольно наказала себя за всѣ сïи чести скукою, которую должна была терпѣть во всѣхъ тѣхъ великолѣпныхъ прïемахъ.

Христина видѣла въ Парижѣ много ученыхъ, приняла много поднесенныхъ ей стихотворческихъ

сочиненій, и цѣнила ихъ чего они стояли. Имѣя съ давняго времени почтеніе къ славному Менажу, которой оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ между нѣкоторыми полезными много пустословій, писала къ нему въ проѣздѣ чрезъ Брукселлію, когда ѣхала она изъ Швеціи въ Римъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней, означивая въ письмѣ, что она половину дороги уже проѣхала, и ему остается другую половину проѣхать. Менажъ не разсудилъ за благо трогаться съ мѣста для удовольствія Королевы, которая не была уже Королевою. Сіе не раздражило ея: ибо по прибытіи своемъ въ Парижъ, какъ она искала только славныхъ качествами людей, она дала при себѣ Менажу такое достоинство, чтобы вводить и представлять ей всѣхъ прихожихъ; достоинство, которое ученый имѣлъ первый и последній разъ. По елику сіе было нѣко-

нѣкоторый родъ чести, чтобъ быть представлену сей Королевѣ, то Менажъ не отказывая ни кому, не могъ удовольствовать многихъ, которые просили его; по чему сказала Христина, что г. Менажъ довольно зналъ достойныхъ людей.

Христина могла лучше быть довольна Парижомъ, нежели Французскимъ дворомъ, гдѣ уваженіе ея имѣло мало успѣховъ. Женщинамъ и придворнымъ не могла понравиться такая Королева, которая одѣвалась въ мужеское платье, поступала грубо съ ласкателями, похваляла только остроту памяти тѣхъ, которые хотѣли забавлять ея веселыми сказками: ибо разумъ ея имѣлъ нѣчто мужественное въ разсужденіи тѣхъ слабыхъ тварей, которыхъ всѣ знанія казались ей быть безполезными. Тѣ, которые мыслили лучше знать ея, сравнивали ея съ Фонтенбльскимъ замкомъ, который великъ, но безпо-

рядоченъ. Не будетъ удивительно, что Христина не имѣла великолѣпнаго прïема при дворѣ Французскомъ, естьли представить, сколь слабое вниманïе сего двора обратилъ къ себѣ *Петръ Великïй Россïйскïй Императоръ* будучи тамо въ 1737 году, который много превосходнѣе Христины. Большая часть изъ придворныхъ видѣли только въ семъ Государѣ иностраннаго, который не имѣлъ Французскихъ обычаевъ, и не видѣли въ особѣ его Монарха, исполненнаго разума, путешествующаго для наученïя, оставившаго престолъ, чтобъ здѣлаться достойнымъ онаго. Кажется, что Французскïй народъ простираетъ далѣе нежели другïе то постороннее вниманïе, о которомъ говоритъ Тацитъ, что оно ищетъ славы великихъ людей въ лицѣ, наружныхъ знакахъ, и движенïяхъ, и удивляется, что не находитъ ея тамо.

(1657) Христина столько возлюбила Францію, что возвратясь въ Италію, рѣшилась скоро принять обратно путешествіе во Французское государство. Нѣкоторые думали, что она имѣла въ семъ случаѣ политическія намѣренія; но сіе путешествіе было только достойно примѣчанія пагубною смертію Молдавешія, великаго конюшаго ея, котораго она велѣла убить почти предъ собою въ Фонтенебло. Обстоятельства сего убійства довольно извѣстны. Слова, которыя ученые и искусные въ правахъ писали во оправданіе Королевы, темнѣе и страннѣе, нежели мучительство ея: оныя яко нещастный знакъ ласкательства ученыхъ къ Государямъ, суть стыдъ для сочинителей своихъ, и незащищаютъ толь поноснаго дѣйствія. Сожалительно въ разсужденіи памяти Лейбниція и человѣчества, что имя сего

великаго мужа находится между оправдающими то убійство; и я еще больше удивляюсь той неправдѣ, которою онъ порицаетъ Французской дворъ, представляя, что естьли дѣйствіе оное Христины поразило придворныхъ, то сіе единственно потому, что она тамо не была любима. Потомство найдетъ сіе весьма страннымъ, что посреди Европы, въ просвѣщенномъ вѣкѣ, разсуждали со уваженіемъ, имѣетъ ли право Королева оставившая престолъ убивать своихъ служителей самовластно. Кажется надлежало бы больше принять въ разсужденіе: имѣла ли Христина будучи на Шведскомъ престолѣ сіе мучительское право? Задача сія вскорѣ бы рѣшена была по естественному и народному праву. Состояніе государства должно быть священнымъ для Монарховъ: ибо оно всегда пребываетъ; а бытіе подданныхъ

ныхъ и Государей въ скорости уничтожается. Полезно для государства, чтобы человѣкъ былъ судимъ по законамъ; полезно сїе и для Государей самихъ: ибо законы составляютъ ихъ силу и безопасность. Человѣчество дозволяетъ имъ иногда умѣрять строгость законовъ прощенїемъ: но не дозволяетъ Государямъ оставлять законы, чтобы мучительствовать. Сїе было бы поносно для Государей, естьли бы мыслить, что правила сїи могутъ ихъ раздражить, или что надобно дерзновенну быть, естьли вводить ихъ въ нѣдро государства: онѣ суть гласъ природы; толь истинныя правила глубоко впечатлѣнныя въ сердца всѣхъ человѣковъ увольняютъ насъ отъ рѣшенїя, по какому суду Христина, отказавшаяся отъ престола, долженствовала судить Моналдешїя, по Шведскимъ ли, или Римскимъ, или Французскимъ правамъ?

Не нужно сїе, по какимъ правамъ; только бы не былъ произведенъ судъ сей по ея правамъ.

Кажется еще меньше нужно испытывать, какая бы могла быть причина убїйства Моналдешїя: можетъ быть для чести Христины нужнѣе покрыть завѣсою тайну оную. Ужасно сїе, естьли коварства любви были тому причиною, какъ нѣкоторые писатели утверждали. Дѣйствїе Христины не требуетъ вины, долженствующей учинить оное достойнымъ ненависти (1657). Возненавидя Францїю, гдѣ сїе убїйство внушило отвращенїе къ ней, она хотѣла поѣхать въ Англїю. Кромвель, который правилъ тогда симъ государствомъ съ большимъ еще самовластїемъ, нежели какъ онъ казнилъ своего Государя, не разсудилъ за благо принять ея. Онъ будучи столь искусный политикъ, сколь опасный гражданинъ, боялся

ся предложить тайны своихъ дѣлъ проницательнымъ глазамъ такой женщины, которая почиталась коварною. Онъ не могъ рѣшиться видѣть Королеву посѣтившую три престола того исповѣданія вѣры, котораго онъ не терпѣлъ; и не разсудилъ за полезное употребить государственныя иждивенія на толь излишній пріемъ. Христина оставила предпріятіе сего путешествія. Она была во Французской Академіи, гдѣ ничего лучшаго не имѣли предложить ей, какъ переводъ нѣкоторыхъ Лукреціевыхъ стиховъ противу Провидѣнія, здѣланный Коминомъ, которымъ вопреки переводчикъ сей написалъ нѣсколько стиховъ въ доказательство Провидѣнія. Не безполезно замѣтить здѣсь, что въ томъ же собраніи читали предъ Христиною нѣкоторые члены изъ словаря Академическаго, и по случаю нашлось слово игры, въ которомъ было

 слѣду-

слѣдующее: игры Государей прїятны для тѣхъ, которые играютъ ихъ.

(1658) Наконецъ Королева возвратилась въ Римъ, гдѣ предала себя въ спокойствїи и праздности упражненїю художествъ и наукъ, во первыхъ Химїи, наукѣ медалей, и статуй. Кардиналъ Аззолини, котораго злословїе и клевета не пощадили, принявъ во уваженїе Королеву, исправилъ безпорядокъ казенныхъ доходовъ ея, причиненный излишними ея издержками, и неисправностїю платежа, который Швецїя по договорамъ должна была давать ей. Кардиналъ Аззолини былъ другомъ и повѣреннымъ Христины до самой смерти; по чему и говорили, что три только человѣка заставили Королеву почитать себя: Принцъ Конде по своей храбрости, Кардиналъ Рецъ по своему разуму и Кардиналъ Аззолини по своимъ услугамъ.

Въ

Въ протчемъ смотря по качеству Христины, кажется, что она не имѣла надмѣрной страсти любовной, какъ нѣкоторые думали; но непонятное нѣкое тщеславїе составляло главное ея качество.

Будучи въ Римѣ, она скоро пришла въ несогласїе со Александромъ VII, который былъ тогда на престолѣ. Сей тщеславный и уважающїй малости Папа хотѣлъ приписать себѣ честь обращенїя Христины, отъ которой онъ получилъ одно только письмо, когда она приняла рѣшенїе перемѣнить вѣру. Участїе, которое Христина казалась принимать въ пользахъ касающихся Францїи, возбудило неудовольствїе Папы, который не любилъ Людовика XIV; но Королева зная качество Александра VII, и убѣждена пользою своею хранить уваженїе къ кему, ходила иногда для украшенїя сего Папы въ торжественныхъ его хо-

дахъ, принимать благословенїе отъ него. Она перешла жить въ монастырь, чтобъ меньше дать подозрѣнїя Папѣ, который не переставалъ вывѣдывать ея чрезъ церковниковъ и монаховъ. Сїе подало случай думать многимъ, что она хочетъ здѣлаться монахинею. Христина, писалъ тогда Гви Пастинъ, пройдетъ всѣ роды жизней, естьли не умретъ скоро: она уже играла различныя дѣйствїя весьма отмѣнныя отъ перваго ея состоянїя, когда называли ея десятою музою, и сѣверною Сибиллою. Трудно повѣрить чтобы Королева, будучи недовольна Папою, захотѣла укрѣпить такъ страннымъ образомъ союзы, которые подвергали ея зависимости Римскаго двора. Наконецъ причины неудовольствїя, которыя она имѣла, или думала имѣть, такъ умножились, что по смерти Карла Густава она вздумала возвратиться въ Швецїю (1660.-1661)

1661). Сїе путешествїе, котораго существенныя причины не извѣстны были, заставили политиковъ много разсуждать: но оно было безуспѣшно. Древнїе подданые ея позабывъ все, что она для нихъ здѣлала, и всю любовь, которую они оказывали ей нѣкогда, не видѣли въ ней какъ только женьщину, которая оставя ихъ пошла жить въ чужую землю, и въ ту вѣру, которую она почитала пагубною Швецїи. Церковнослуженїе Римскаго исповѣданїя, отправляемое въ покояхъ ея при всей вольности, не было противно дворянству, которое единственно занято было военными дѣлами и внутренними коварствами; но оно раздражило двѣ послѣднїя части государства: духовенство, котораго она презирала важность; и простонародїе, котораго она поражала предувѣренїя. Сїи двѣ части государства не хотѣли, чтобъ она

имѣла

имѣла свои доходы. Онѣ мыслили, что потребно непремѣнно вѣрить Лютеру, чтобЪ быть достойнымЪ жизни. Сколь ни говорила Христина, что она какЪ Королева не должна была никому давать отчетЪ за свои дѣла: однако сказали ей, что она не имѣетЪ власти уничтожать уставы, на которыхЪ основано отечество. Государственные члены повелѣли разрушить церковь ея, и отпустить ИталїянскихЪ священниковЪ находившихся при ней. Она была Королева только по имени, говоритЪ нѣкоторый историкЪ, и не было уже того, который величался имѣть все отЪ Бога и Христины.

По видимому она отомстила бы за сїе презрѣнїе другими язвительными средствами, ежели бы она успѣла вЪ томЪ предпрїятїи, которое она показала, чтобы взойти паки на престолЪ: однако сїе предпрї-

предпріятіе кончилось тѣмъ, что она принуждена была отказаться вторично отъ престола. И такъ она возвратилась въ Римъ, и проѣзжая чрезъ Гамбургъ, видѣла тамъ славнаго Ламбетія, котораго ободрила своимъ ласковымъ пріемомъ. Сей мужъ былъ угнѣтаемъ гоненіями Протестантскихъ богослововъ того города, которые убѣдили его принять Римскую вѣру чтобы оправдать себя въ безбожіи, которымъ порицали его непріятели, то есть, онъ перемѣнилъ вѣру въ доказательство, что онъ имѣлъ вѣру.

Кандія находилась тогда въ осадѣ. Христіанскіе Государи были зрителями оныя, не удостоевая вспомоществованіемъ сего города. Христина приняла въ немъ участіе, и употребила крайнія усилія, чтобы доставить Венеціянцамъ помощь деньгами и войскомъ. Сіи средства, хотя безполезны,

лезны, столь были велики, что подали причину думать, что Королева находила въ томъ свою пользу. Злость человѣческая безъ всякой причины напаяетъ ядомъ достойнѣйшія похвалъ дѣйствія.

(1662) Въ скоромъ времени потомъ случилось славное Корсиканцовъ дѣйствіе, которое служило Французскому двору во удовольствіе, а Римскому во уничиженіе. Христина при семъ случаѣ имѣла честь ходатайствовать у Короля за Папу, котораго она не любила, и имѣла удовольствіе ходатайствовать безполезно. Для Папы было бы сіе весьма оскорбительно, чтобъ быть одолженнымъ Королевѣ за снисхожденіе Французскаго двора; и можетъ быть онъ проницалъ въ слѣдствіе намѣреній ея. Папа почелъ, что онъ ни чемъ не обязанъ Христинѣ, по тому что она не успѣла въ ходатайствѣ; и онъ такъ мало

ло имѣлъ къ ней уваженія, что Королева наскучивъ принимать отъ него неудовольствія и разрѣшенія, предпріяла непремѣнно паки возвратиться въ Швецію. Она испытывала между тѣмъ мнѣнія государственныхъ членовъ въ Швеціи, и пользовалась (1663) въ Римѣ обращеніемъ съ учеными, полагая иногда ихъ общество въ игру своихъ увеселеній. Она приказала между протчими для своей забавы здѣлать медаль, которыя надпись была въ посмѣяніе ученыхъ: я не знаю приличенъ ли такой родъ удовольствія. Для Государя весьма полезно любить и покровительствовать науки: онъ долженъ наименьше въ смѣхъ обращать ученыхъ. Сію предосторожность должны имѣть Монархи: но по несчастію они весьма слабо ея хранятъ.

Условія предложенныя Сенатомъ Христинѣ въ разсужденіи пребыва-

нія ея въ Швеціи, когда она отправилась вторично въ сію землю, показались ей столь грубы, что она за благо разсудила дожидаться въ Гамбургѣ слѣдующаго Сейма, чтобы здѣлать свои требованія уважаемыми. Изъ Гамбурга она писала къ Сенатору Севедтѣ-Баару, повѣренному въ дѣлахъ ея при Шведскомъ дворѣ, что обязанность, которую имѣла она чтобы наблюдать больщія выгоды, научила ея терпѣть и притворяться. Въ семъ путешествіи нашедъ она у нѣкотораго собирателя древностей медаль отрицанія ея отъ престола, бросила оную, и не хотѣла смотрѣть. Таковый поступокъ, бывшій произведеніемъ тогдашней скорби ея, почитался явнымъ выраженіемъ раскаянія ея, которое она имѣла о оставленіи престола.

Сеймъ кончился, и церьковныя дѣла перемѣнились: ибо изъ всѣхъ государственныхъ членовъ духовен-

духовенство одно приняло участіе въ Христинѣ. Оно боялось, чтобы Королева, прибывъ сама ко двору для исполненія своихъ требованій, не успѣла сверьхъ чаянія ихъ. Шведское священство въ семъ случаѣ употребило для себя правило, чтобъ дѣлать золотой мостъ своему непріятелю. Протчіе члены государства, которымъ всѣ тѣ путешествія Христины внушили мало уваженія къ ней, и которые не видѣли въ поведеніи ея какъ только непостоянство и пронырство, пользовались даннымъ правомъ имъ отъ нея, и отказали ей почти во всѣхъ требованіяхъ ея. И такъ она оставила Швецію на всегда, и возвратилась въ Римъ, гдѣ провождала послѣдніе дни жизни своей съ неудовольствіемъ, не получая должныхъ ей доходовъ отъ бывшихъ ея подданныхъ, предана забвенію во Франціи, и мало уважаема

жаема отъ того народа, который она предпочитала другимъ. Признаніе и удивленіе были первымъ побужденіемъ Римлянъ къ Королевѣ, которая оставила царство и пришла жить посреди ихъ. Но люди не имѣютъ постоянныхъ мыслей какъ только къ великостямъ и власти. Достойнѣйшіе и почтеннѣйшіе Государи не знаютъ, сколько нуженъ имъ престолъ, чтобы заставить отдавать справедливость качествамъ ихъ; и сколько предъ глазами народа, то есть всѣхъ почти людей, вѣнецъ усугубляетъ ихъ достоинства и въ то самое время, когда они мало имѣютъ въ немъ нужды. Христина, говоритъ историкъ Наня, узнала скоро послѣ оставленія престола, что Королева безъ государства есть божество безъ храма, котораго служеніе въ скорости оставлено бываетъ.

Прежде

Прежде нежели Христина приѣхала въ Римъ, узнала она о смерти Александра VII. Слѣдующее дѣйствіе можетъ дать понятіе о качествѣ сего Папы. Онъ оказалъ съ начала своего вступленія на престолъ крайнюю строгость и удаленіе отъ тѣхъ правъ, которые въ Римѣ (*) Непотисмъ называются. Сіе безпристрастное дѣйствіе подало случай къ тому предисловію, которое Кардиналъ Паллавицини приписалъ въ заглавіи своей исторіи Тридентинскаго Собора: но Папа отмѣнилъ такъ скоропостижно свой образъ мыслей или поведеніе, что онъ наполнилъ Римъ своими племенниками; и Паллавицини находя свое предисловіе смѣшнымъ, не пустилъ его въ

свѣтъ.

(*) *Непотисмъ есть право, по которому всѣ Папскіе племенники называются Принцы крови.*

свѣтъ, хотя уже оно и напечатано было.

(1663) Александръ VII имѣлъ преемникомъ Климента IX. Краткое пребыванїе сего Папы на престолѣ названо Златымъ вѣкомъ Рима. Онъ былъ Патрїархъ щедръ, величественъ, другъ наукъ и человѣковъ, довольно просвѣщенъ, чтобъ здѣлать вѣру почтенною и прекратить всѣ споры. Миролюбивый духъ его долженствовалъ бы имѣть больше подражателей.

Христина продолжала свое обращенїе съ Римскими и иностранными учеными людьми. Сочинитель записокъ ея полагаетъ при семъ случаѣ число ученыхъ составлявшихъ Аркадскую Академїю, которое столько же въ сей исторїи безполезно, какъ и число ученыхъ Шведскихъ во время царствованїя Христины. Я здѣсь приведу только изъ записокъ ея надпись

пись сочиненія Паллавицини: „ За-„ щищеніе Божія Провидѣнія, осно-„ ванное на важномъ приобрѣте-„ ніи, которое Римская церковь „ учинила въ лицѣ Шведской Ко-„ ролевы„. Сіе сочиненіе не было напечатано, потому что оно, по мнѣнію другихъ, заключало въ себѣ пятдесятъ четыре ереси. Я удивляюсь терпѣнію того, кто щиталъ оныя.

Можно видѣть изъ письма Христины къ Отту Герику, сколько предувѣренія о недвиженіи земли закоренѣлыя были въ Римѣ. Сія Королева, которая оставила престолъ чтобъ быть вольною, не имѣла вольности сказать дерзновенно иностранному, что она вѣритъ, что солнце не ворочается.

(1672) Въ скоромъ времени послѣ началась извѣстная война, которую Людовикъ XIV производилъ такъ славно противъ всей Европы, вступившейся за утѣсне-

нїе Голландїи, и которая кончилась заключенїемъ мирнаго договора въ Нимегѣ. Христина не похваляла, что Швецїя вступила въ сїю войну, въ которой она дѣйствительно была несчастлива. Можетъ быть ея неудовольствїю причиною было нѣкоторое малое сочиненїе, изданное во Францїи противу ея, за которое не могла она получить никакого удовлетворенїя. Но она больше боялась, чтобы доходы ея удержаны не были. Она отправила въ Нимегъ для соблюденїя своихъ выгодъ полномощнаго посланника, котораго приняли какъ посланника такой Королевы, которая не имѣла никакой власти. Сей министръ былъ молодой Шведъ (1673), именемъ Цедеркранцъ. Христина примѣтя въ немъ нѣсколько качествъ и знанїй, повѣрила ему свои дѣла. Она говорила, что судьба опредѣлила ей устроевать не только

щастїе,

щастіе, но и разумъ тѣхъ, которые ей служили. Однако Швеція выдала Христинѣ довольно великое число денегъ въ скорости послѣ заключенія мира. Она отказала на зделанное ей предложеніе, чтобы получать каждой годъ извѣстную сумму по требованіямъ ея изъ Франціи. Когда кто можетъ быть самовластнымъ господиномъ, сказала она, тотъ не долженъ искать другаго господина.

Слѣдующаго года мнѣнія Квіетистовъ, еще больше уничижительныя для разума человѣческаго, нежели тѣ, которыя столько причинили во Франціи бунтовъ, въ сіи послѣднія времена здѣлали великое возмущеніе въ Римѣ, гдѣ сей родъ споровъ внутренно презирается, но судимъ бываетъ торжественно для единаго вида. Изобрѣтатель новаго умствованія былъ Гишпанскій священникъ Михайло Молиносъ, главный ди-

ректорѣ и, по засвидѣтельствованію Папы, честной человѣкъ: два достоинства довольныя привлечь непріятелей. Тѣ которые желали управлять совѣстьми, увидѣли опаснаго еретика въ человѣкѣ, котораго мысли о невещественности были достойны больше сожалѣнія, нежели презрѣнія. Христина, или по естественному состраданію, или по ненависти къ гонителямъ Молиноса, или наконецъ желая учинить важное дѣйствіе въ тѣхъ вещахъ, которыми Христіанство было тогда занято, приняла толь откровенно его сторону, что подозрѣвали ея быть участницею мнѣнія его; и она исполнивъ долгъ человѣчества къ сему несчастному, почти подвергнула себя осужденію законопреступницы. Духовное спокойствіе, которому училъ Молиносъ, и къ которому духовенство имѣло тогда все вниманіе, подало случай

Паскину

Паскину сказать весьма шуточно: „ежели мы говоримъ, то намъ „грозятъ галерами; ежели пи-„шемъ, то виселицами; ежели при-„держиваемся покоя, то церко-„вью: что же дѣлать?

Молиносъ будучи покровительствуемъ Христиною, имѣлъ страшнаго противника въ лицѣ Французскаго Короля. Непріятели сего малоопаснаго ересеначальника внушили Королю ревность, что бы предать его конечному осужденію въ Римѣ. Папа Иннокентій XI, бывшій тогда на престолѣ, объявилъ его еретикомъ; и сверьхъ сего правосудія, которое Папа употребилъ въ семъ случаѣ, еще приписываютъ ему похвалу, что никакое мірское побужденіе не подвигло его къ тому. Можно было видѣть изъ всего поведенія его съ Франціею, что онъ не имѣлъ никакого намѣренія уважать ея. Сей добродѣтельный, упрямый,

 и

и ограниченнаго разума Патрїархъ, поступилъ съ такою непреклонностїю, которая могла бы причинить раздоръ между Римскою и Французскою церковью при другомъ Государѣ, меньше благочестивомъ нежели Людовикъ XIV. Преемники его больше учинили кротостїю, нежели онъ могъ здѣлать твердостїю, которая не была у мѣста. Сїе достойно примѣчанїя въ исторїи, что Французскїй дворъ, кромѣ своей привязанности къ священному престолу Римской церкви, есть одинъ, который зналъ сопротивляться самодержавнымъ Папамъ въ разсужденїи государственныхъ своихъ выгодъ.

Славная дѣвица ле Февръ, извѣстная подъ именемъ госпожи д'Асїеръ, прислала около того времени изданное въ свѣтъ свое сочиненїе, называемое Florus ad usum, Христина благодаря ея за то, совѣтовала ей принять Католицкое исповѣ-

исповѣданіе вѣры; и госпожа д'Асіеръ нѣсколько времени послѣ употребила въ дѣйство совѣты ея.

Я не знаю, долженъ ли я упомянуть здѣсь о томъ письмѣ, о которомъ говоритъ сочинитель исторіи Христины, что она писала къ нѣкоторому Графу Вагану, увѣщевая его здѣлаться монахомъ. Писатель тотъ хочетъ доказать симъ письмомъ, какія имѣла чувствованія Христина въ разсужденіи вѣры; хотя онъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія дѣлаетъ подозрительною искренность ея усердія и обращенія къ Католицкой церквѣ. Сія задача ему казалась весьма важная и нужная къ рѣшенію, и весьма его безпокоила Письмо оное столь мало достойное Королевы и того, къ кому она писала, служитъ только къ показанію, сколько Христина имѣла времени терять напрасно:

оно есть изъ числа тѣхъ, которое должно выбросить изъ ея исторїи.

Я могу то же сказать и о похвалахъ приписываемыхъ вкусу Христины въ Астрологїи. Въ томъ вѣкѣ, когда Философїя, которая обыкновенно приходитъ послѣ всѣхъ къ престоламъ, еще не просвѣтила всѣхъ государствъ, не было бы удивительно, естьли бы Королева, имѣя любопытство и къ тому, чего не можно знать, имѣла нѣкоторую предувѣренность въ разсужденїи обманчивой науки, къ которой великїе люди тогда прилѣжали, и въ которой славный Кассини упражнялся въ молодыхъ лѣтахъ. Христина по крайней мѣрѣ оказала нѣкоторое различїе и понятїе о свѣтскихъ дѣлахъ, когда она выговорила, что земная Астрологїя гораздо справедливѣе, нежели небесная, чтобъ судить о будущихъ

щихъ приключеніяхъ; и что Астрологія и лѣчебная наука суть подобны между собою: имъ надобно учиться для того только, чтобъ не отдать себя въ обманъ.

Сія Государыня, яко Королева и Католицкаго исповѣданія, будучи упоена мечтаніемъ великихъ дѣлъ, писала въ 1683 году къ Королю Польскому Іоанну Собѣскому, который здѣлалъ услугу и уничиженіе Императору Леопольду, освобождая Турками осажденную Вѣну, и оставленную Леопольдомъ. Христина въ своемъ письмѣ даетъ знать Собѣскому о тѣхъ порицаніяхъ, которыми упрекали его за то, что онъ со излишествомъ пользовался корыстями сей войны.

„Я не завидую вашему Величеству, говорила она ему, въ „толикихъ множествахъ сокро„вищъ; я завидую славному име-

„ни Христіанскаго Свободителя;
„и хотя я безъ государства, од-
„нако не исключаю себя изъ то-
„го обязательства, которымъ
„одолжены вамъ всѣ Государи.„
Людовикъ XIV, который унижая Папу одною рукою, хотѣлъ другою истребить Калвинскую церковь изъ своего государства, выдалъ въ 1685 году славный указъ, который служилъ уничтоженіемъ Нантскому указу. Христина писала при семъ случаѣ къ г. Терлону, Французскому посланнику при Шведскомъ дворѣ, письмо, которое Бель внесъ въ свои записки. Она въ немъ оплакиваетъ жребій гонимыхъ Калвинистовъ съ такимъ усердіемъ и откровенностію, что сіе заставило сказать славнаго писателя, что письмо Христины было остатокъ Протестантскаго духа: но сей остатокъ былъ весьма обоюдный. Можно видѣть, что по

большой

большой части одни права человечества заставили Христину написать сїе письмо. Гоненїе противу Реформатовъ было простерто до крайней свирѣпости, и не должно приписывать его Людовику XIV, но злобѣ его Министровъ. Онъ бы и самъ ужаснулся, естьли бы былъ зрителемъ онаго. Я не касаюсь здѣсь того вопроса: долженъ ли Государь дозволять въ своей землѣ отправленїе Калвинскаго закона; больше ли вредны государству двѣ главныя вѣры, сопротивляющїяся одна другой, нежели истребленїе одной изъ нихъ; и не лучше ли было бы въ такомъ состоянїи государства употребить кротость, нежели явную принужденность, и посредствомъ благодѣянїй здѣлать новообращенныхъ къ Римской церкви по не многу, нежели мучениковъ Калвинской вѣрѣ? Такїя задачи касающїяся Поли-

тики и вѣры, требуютъ иного писателя, нежели я, и другаго сочиненія, нежели сіе: однако по крайней мѣрѣ весь свѣтъ согласенъ нынѣ, что сіе гоненіе было чрезвычайной свирѣпости. Оно раздражаетъ вѣру и правосудіе. Прямыя намѣренія Людовика XIV достойны похвалы; но сожалительно, что подданные его толь безчеловѣчно ему повиновались.

Чувствованія оказываемыя Христиною въ ея письмѣ дѣлаютъ ей честь, и суть достопамятные знаки оставшіеся отъ нея. „ Довольно ли вы увѣрены, писала „ она къ Кавалеру Терлону, о „ усердіи и искренности тѣхъ но„ вообращенныхъ. . . Военные лю„ ди суть странные Апостолы. . . „ Я сожалѣю, что столь много „ честныхъ людей приведены въ „ нищету. . . При всемъ своемъ „ заблужденіи они достойны боль„ ше сожалѣнія, нежели ненави-

„ сти. . .

„ сти. . . Я представляю Францію
„ какъ больнаго, которому отрѣ-
„ зываютъ руку, чтобы истре-
„ бить зло, которое терпѣніе и
„ время могли бы исцѣлить. „ Она
оканчиваетъ свое письмо противу-
полагая поступокъ Людовика XIV
съ подданными его Протестан-
тами тому поступку, которой
онъ имѣлъ тогда съ Папою. Сей
послѣдній членъ есть нѣсколько
излишенъ, равно какъ и загорныя
возраженія ея противу вольности
Французской церкви и противу из-
вѣстныхъ членовъ 1682 года.

Христина весьма была недоволь-
на, что Бель издалъ въ свѣтъ ея
письмо, и еще больше огорчена бы-
ла примѣчаніями, которыя онъ
присовокупилъ къ письму, и ко-
торыя навлекали нѣкоторый родъ
сомнѣнія о обращеніи Христины.
Жалобы ея подали причину ко мно-
гимъ переговоркамъ между симъ
Философомъ и Королевою; и сіе все

кончилось ко взаимному обоихъ удовольствїю. Дѣло убѣжищнаго права не меньше молвы произвело въ Римѣ, какъ и во Францїи. Христина оставивъ право свое, хотѣла уничтожить онаго отрицанїе по неудовольствїю причиненному отъ грубости Папскихъ Офицеровъ, которые гнались и взяли преступника въ ея домѣ. Сїе дѣло, о которомъ разсуждали въ Парижѣ съ важнымъ видомъ, и которое привлекало отъ стороны Папы неблагословенїя, а отъ Парламента повелѣнїя, глásящїя взятїе подъ стражу и позывы къ будущему собору, производилось съ большею умѣренностїю между Христиною и Папою посредствомъ ихъ духовниковъ: однако весьма трудно было привести оное ко окончанїю, какъ будто бы Христина была еще страшна силою.

Принцъ Конде за годъ до сего скончался, Христина не умаляя никогда

когда къ сему Принцу почтенія и въ самомъ его несчастіи, писала къ госпожѣ Скудери, чтобъ она сочинила что либо въ похвалу сего Героя столь достойнаго всякой чести. Въ семъ письмѣ она по видимому взирала на конецъ жизни своей довольно съ Стоическимъ духомъ. „Смерть, говорила она, которая „приближается и не пропущаетъ „никогда времени своего, не тре„вожитъ меня; я ожидаю ея безъ „желанія и безъ страха.„

Между тѣмъ возобновилась брань въ Европѣ. Можно видѣть изъ послѣднихъ писемъ Христины, что она предвидѣла, какое будетъ слѣдствіе оной въ разсужденіи Короля Іякова II. Сей Государь больше достоинъ похвалы въ надгробномъ словѣ, нежели въ исторіи, и котораго суевѣрнаго и мучительскаго духа никогда не одобритъ благоразумное Христіанство, согнанъ

былъ съ престола за то, что онъ свирѣпствовалъ надъ своимъ народомъ, позволившимъ ему веселиться въ спокойствїи со своими монахами и любовницами; и что онъ хотѣлъ принудить Агличанъ вѣрить тому, что онъ долженъ былъ внушить имъ своимъ примѣромъ. Убѣжавъ во Францїю, мало уважаемъ въ Европѣ, и будучи посмѣянїемъ того самаго двора, который былъ ему убѣжищемъ, сказываютъ, что онъ дѣлалъ чудеса по смерти своей, не будучи въ состоянїи здѣлать при жизни своей чуда, чтобъ возвратить себѣ престолъ. Великое свѣту, писала Христина при случаѣ сей войны, открылось позорище, которое заставитъ многихъ смѣяться и плакать. Въ Римѣ всѣ находятся въ страхѣ, кромѣ меня. Я съ крайнимъ любопытствомъ взираю на состоянїе Швецїи. Христина всегда

всегда имѣя ненависть ко Франціи, не хотѣла чтобъ Швеція соединилась съ Людовикомъ XIV. Сказываютъ, что наскучивъ она Папою и Римлянами, искала имѣть убѣжище въ государствѣ Курфирста Брандебургскаго. Нѣкоторые писатели не испытавъ, было ли сіе намѣреніе ея въ самомъ дѣлѣ, заключили, что она мыслила принять паки Лютеранскую вѣру: но Христина не имѣла уже времени исполнить сіе намѣреніе, хотя бы то и предпріяла. Она умерла въ скоромъ времени послѣ съ довольнымъ спокойствіемъ и любомудріемъ. Сказываютъ, что смерть ея была достойнѣе, нежели смерть Елисаветы Королевы Аглинской. Желательнобъ было, что бы можно сказать тоже и о ея жизни. Она приказала въ своемъ завѣщаніи, чтобы ничего больше не писали надъ гробомъ ея кромѣ сихъ словъ: Богу всемогущему,

щему, жила Христина LXIII года.

Скромность и гордость въ надписяхъ суть равномѣрное произведенiе тщеславiя. Скромность приличествуетъ больше такому тщеславiю, которое учинило великiя дѣла, а гордость содѣлавшему только нѣчто малое. Ежели судить по сему правилу надгробную надпись Христины, то можно видѣть въ ней справедливость безъ величности. Перемѣнное поведенiе ея, непостоянство нрава и вкусовъ ея, нѣкоторая неблагопристойность въ дѣйствiяхъ ея, малыя пользы, которыя она почерпнула отъ знанiй своихъ и отъ разума своего, что бы здѣлать счастливыми человѣковъ, величавость ея, которая часто была не у мѣста [ибо всегда она не у мѣста, когда не производитъ почтенiя] обоюдные разговоры ея о той вѣрѣ,

вѣрѣ, которую она оставила и которую приняла, наконецъ неосновательная жизнь, которую она вела съ иностранными не любившими ея: все сїе оправдаетъ краткость надгробныя надписи ея больше, нежели она думала.

Я ничего не говорю о погребенїи ея, книгохранительницѣ, картинахъ, рѣдкостяхъ, и медаляхъ, здѣланныхъ въ разные случаи для ней; я оставляю писателю записокъ ея входить со удовольствїемъ въ сїи обстоятельства. Я хочу упомянуть здѣсь о двухъ изданныхъ ею сочиненїяхъ. Первое называемое, *различныя мысли*, есть собранїе обыкновенныхъ правилъ, какъ и многїя сего рода бываютъ сочиненїя, которыхъ писатель часто оставляетъ трудъ чтобы прикрыть ихъ замысловатыми выраженїями. Всего страннѣе въ семъ

сочиненїи

сочиненіи нѣкоторыя правила о терпимости отправленія разныхъ вѣръ, замѣченныя при суевѣрнѣйщихъ предложеніяхъ о неложности Папы. Ежели она хотѣла предложить сіи разсужденія въ противность первымъ, то можно сказать что лѣкарство хуже болѣзни. Другое сочиненіе Христины есть, *похвала Александра*, онаго славнаго побѣдителя столько обожаемаго въ древности, который есть предмѣтомъ критики нашего вѣка, который, какъ многіе изъ славныхъ Государей, не заслужилъ ни тѣхъ чрезмѣрныхъ похвалъ сплетенныхъ ему ласкательствомъ, ни тѣхъ язвительныхъ поруганій, которыми ученые нынѣшняго вѣка его обременяютъ потому, что ничего больше не надѣются получить отъ его. Христина должна бы меньше хвалить сего Государя, и больше подра-

подражать ему, не въ томъ, чтобы имѣть необузданную любовь ко славѣ и побѣдамъ, но въ величествѣ души его, въ качествахъ достойныхъ царствовать, въ знанiи человѣковъ, въ обширности его мыслей, и въ просвѣщенномъ вкусѣ его въ наукахъ и художествахъ.

КОНЕЦЪ.

